

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра лингвистики и перевода

РАБОТА ПРОВЕРЕНА
Рецензент, д.пед.н., доцент

_____/О.Ю. Афанасьева/

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой,
д.филол.н., доцент

_____/Т.Н. Хомутова/

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
КАТЕГОРИЧНОСТИ/НЕКАТЕГОРИЧНОСТИ В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 45.04.01.2020.003.ВКР

Руководитель, д.филол.н., доцент
_____/Т.Н. Хомутова/
« ____ » _____ 2020 г.

Автор
студент группы ЛМ-240
_____/В.Э. Халитова/
« ____ » _____ 2020 г.

Нормоконтролер,
к.филол.н., доцент
_____/О.И. Бабина/
« ____ » _____ 2020 г.

Работа защищена с оценкой

« ____ » _____ 2020 г.

Челябинск

2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 КАТЕГОРИЧНОСТЬ/НЕКАТЕГОРИЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ДИСКУРСА	8
1.1 Категоричность/некатегоричность как коммуникативная категория	8
1.2 Категоричность/некатегоричность как функционально-семантико- стилистическая категория	13
1.3 Категоричность/некатегоричность как оценочная категория.....	15
1.4 Категоричность/некатегоричность как семантико-прагматическая категория	18
1.5 Категоричность/некатегоричность как «хеджирование»	22
1.6 Категоричность/некатегоричность как «understatement»	26
1.7 Семантика категоричности/некатегоричности.....	31
1.8 Интегральный подход.....	32
1.9 Категоричность/некатегоричность как интегральная категория.....	34
1.10 Категоричность/некатегоричность как градуальная категория.....	36
1.11 Средства вербализации категоричности/некатегоричности	37
1.11.1 Средства вербализации категоричности.....	37
1.11.2 Средства вербализации некатегоричности.....	40
1.12 Определение дискурса. Дискурс и текст	43
1.13 Типология дискурса	47
1.14 Политический дискурс	51
Выводы по главе 1.....	55

ГЛАВА 2 СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ КАТЕГОРИЧНОСТИ/НЕКАТЕГОРИЧНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	58
2.1 Вербализация категоричности/некатегоричности в политическом дискурсе В.В. Путина.....	59
2.1.1 Средства вербализации категоричности.....	59
2.1.2 Средства вербализации некатегоричности	65
2.2 Вербализация категоричности/некатегоричности в политическом дискурсе Бориса Джонсона	72
2.2.1 Средства вербализации категоричности.....	72
2.2.2 Средства вербализации некатегоричности	80
2.3 Вербализация категоричности/некатегоричности в политическом дискурсе Дональда Трампа.....	87
2.3.1 Средства вербализации категоричности.....	87
2.3.2 Средства вербализации некатегоричности	95
2.4 Сопоставительный анализ средств вербализации категоричности/некатегоричности в политическом дискурсе В.В. Путина, Бориса Джонсона и Дональда Трампа	101
Выводы по главе 2	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	111
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	114
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ДЛЯ АНАЛИЗА	119

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа представляет собой сопоставительное исследование средства вербализации категории категоричности/некатегоричности в англоязычном и русскоязычном политическом дискурсе.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в эпоху активного межкультурного общения особую роль в науке играет изучение универсальных и специфических характеристик, присущих народу как носителю национального языка и культуры. Наряду с другими универсальными категориями, категоричность/некатегоричность занимает важное место в любом лингвокультурологическом сообществе. Вместе с тем, ее универсальные и культурно-специфические особенности изучены недостаточно. Поэтому необходимость детального сопоставительного лингвокультурологического исследования категории категоричности/некатегоричности как сложного, многоаспектного явления представляет научный интерес.

Объектом исследования являются средства вербализации категории категоричности/некатегоричности высказывания.

Предмет исследования – универсальные и культурно-специфические характеристики средств вербализации категории категоричности/некатегоричности в политическом дискурсе.

Цель настоящей работы – выявить и обосновать универсальные и культурно-специфические средства вербализации категории категоричности/некатегоричности. Цель исследования определяет его **задачи**:

1. Рассмотреть различные подходы к трактовке категории категоричности/некатегоричности.
2. Обосновать выбор интегрального подхода как наиболее оптимального для решения поставленных задач.
3. Дать определение категории категоричности/некатегоричности как интегрального объекта.

4. Построить базовую интегральную модель категоричности/некатегоричности высказывания.

5. Уточнить понятия дискурса и политического дискурса.

6. Собрать три корпуса текстов российского, британского и американского политических деятелей для проведения сопоставительного лингвокультурологического исследования.

7. Выявить универсальные и культурно-специфические характеристики средств вербализации категоричности/некатегоричности в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе.

8. Обосновать универсальные и культурно-специфические характеристики средств вербализации категоричности/некатегоричности в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе с точки зрения интегрального подхода.

Гипотеза исследования: интегральный подход к исследованию категоричности/некатегоричности позволит представить ее как интегральный рассредоточенный объект, характеризующийся своей культурной, социальной, когнитивной и языковой обусловленностью, выявить и обосновать универсальные и культурно-специфические характеристики средств ее вербализации в политическом дискурсе.

Методы исследования: лингвокультурологический анализ, контекстуальный анализ, описательный метод, сопоставительный метод, метод словарных дефиниций, статистический метод.

Теоретико-методологическая база исследования включает исследования категории категоричности/некатегоричности (Г.И. Гущина, В.И. Цапко, Н.С. Милянчук, А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Вестфальская, Е.Ю. Щербатых, Л.В. Топка, К.Ю. Малышкин), работы по understatement, hedging (Г.И. Гущина, А.А. Джигоева, В.Г. Иванова, А.П. Марюхин, У.Болл, А. Хюблер), исследования дискурса (Т.А. ван Дейк, В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Т.Н. Хомутова), исследования политического

дискурса (В.З. Демьянков, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, и др.), интегральный подход к анализу текста (Т.Н. Хомутова).

Научная новизна диссертации состоит в том, что она является первым систематическим сопоставительным исследованием категории категоричности/некатегоричности, выполненным в рамках интегрального подхода.

Теоретическая значимость исследования: в работе уточнено понятие категории категоричности/некатегоричности, выстроена интегральная модель категоричности/некатегоричности высказывания, выделены основные прагмасемантические типы категоричности/некатегоричности, в соответствии с которыми впервые выявлена система средств вербализации данной категории на материале политического дискурса.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования его результатов в вузовских курсах по стилистике и теоретической грамматике, когнитивной лингвистике, социолингвистике, политическому дискурсу, лингвокультурологии, теории коммуникации.

Материалом исследования послужили тексты ежегодных посланий Президента России Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию 2019 и 2020 годов (объем словоупотреблений: 18326), тексты выступлений Бориса Джонсона в качестве премьер-министра за 2019 и 2020 года (объем словоупотреблений: 19824), тексты выступлений Президента США Дональда Трампа за 2019 и 2020 года (объем словоупотреблений: 19619)

Апробация работы состоялась на 72-ой студенческой конференции (Челябинск, ЮУрГУ), 7-ой выставке-конференции научно-технических и творческих работ студентов ЮУрГУ 2020 (Челябинск, ЮУрГУ).

По теме работы написаны статьи:

1. Халитова, В.Э. Категория категоричности/некатегоричности как объект лингвистического анализа / В.Э. Халитова // *Studium juvenis: Межвузовский*

сборник трудов молодых ученых. – Выпуск 11. – Челябинск: ЮУрГУ, 2019. – С.81–87.

2. Халитова, В.Э. Средства вербализации категории категоричности/некатегоричности в русском и английском языках / В.Э. Халитова // Молодой исследователь. (в печати)

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка (57 источников).

ГЛАВА 1 КАТЕГОРИЧНОСТЬ/НЕКАТЕГОРИЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ДИСКУРСА

Исследование специфики вербализации категории категоричности/некатегоричности предусматривает рассмотрение данного явления с различных точек зрения. В своих работах современные лингвисты по-разному трактуют данную категорию. Категория категоричности/некатегоричности рассматривается и как коммуникативная категория [Г.И. Гущина, А.А. Джигоева, В.Г. Иванова, В.И. Цапко], и как функционально-семантико-стилистическая категория [Н.С. Милянчук], и как оценочная категория [А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Вестфальская, Е.Ю. Щербатых], и как семантико-прагматическая категория [Л.В. Топка, К.Ю. Малышкин].

1.1 Категоричность/некатегоричность как коммуникативная категория

В трудах таких отечественных авторов, как Г.И. Гущина, В.И. Цапко, категоричность/некатегоричность рассматривается как коммуникативная категория.

В работе Г.И. Гущиной [6] исследуемая категория рассматривается как коммуникативный феномен лингвокультурологии. Данное исследование посвящено сопоставительному изучению лингвистических способов и средств выражения категории категоричности/некатегоричности высказывания в диалогической речи носителей русской и английской культур. В качестве материала исследования были взяты фрагменты диалогов из художественных произведений У.С. Моэма и М.А. Булгакова, которые относятся к 1920-1940 гг.

С точки зрения Г.И. Гущиной, категория категоричности/некатегоричности высказывания тесно связана с принципом кооперации и принципом вежливости. Под категоричностью понимается «убежденность в правоте своей позиции», «догматичность»,

«императивность», «безапелляционность». Соответственно, некатегоричность подразумевает «тактичность», «стремление к согласию», «осторожность». В категоричности суждений проявляется уверенность в собственной правоте и пренебрежение мнением собеседника. Таким образом, категоричность предполагает нарушение этих принципов, а некатегоричность – их соблюдение. Следовательно, данная категория может рассматриваться как лингвопрагматическая категория, связанная двумя противоположными коммуникативными стратегиями.

Категория категоричности/некатегоричности высказывания исследуется Г.И. Гущиной в ее связи с особенностями национального менталитета, норм коммуникации и речевого этикета. Автор говорит о том, что речевое поведение индивидов одной лингвокультурной общности отражает специфику мышления и национального характера. Так, в работе были рассмотрены различия русской и английской культур.

У типичных представителей русской лингвокультурной общности отсутствует антиконфликтная общая стратегия общения, жесткая регламентация правил коммуникации. Для них характерны: высокий уровень уверенности в собственной точке зрения, бескомпромиссность, толерантность и конформизм во внутригрупповом общении и нетолерантность в межгрупповом, преобладание оценочных суждений. Специфика национального характера состоит в искренности, прямоте, неформальности суждений, при этом присутствует высокая оценочность, эмоциональность, импозитивность (стремление навязать собственное мнение, воздействовать на собеседника). Данные особенности демонстрируют преобладание в диалогической речи носителей русской культуры категоричных высказываний.

В английской филологии данная категория раскрывается в понятиях «understatement» (недооценка, преуменьшение) и «overstatement» (переоценка, преувеличение), о явлении «understatement» мы будем говорить позднее.

Речевое поведение представителей английской культуры основывается на принципах сопереживания и сочувствия. В такой социокультурной среде «недооценка» выражает сдержанность, интеллигентность, воспитанность. Следует отметить такие отличительные черты коммуникативного поведения, как направленность на собеседника и ограниченное число речевых стратегий, связанные с вежливостью, дистантностью, неимпозитивностью. Этим объясняется факт преобладания в английском диалоге некатегоричных высказываний.

В ходе структурно-содержательного наблюдения Г.И. Гущина выяснила, что при формулировании категоричных или некатегоричных высказываний участник диалога использует коммуникативные приемы, которые реализуются с помощью лексических, лексико-грамматических и стилистических средств. При этом данные средства являются сходными по семантике в русском и английском диалоге.

При формировании некатегоричных высказываний используются такие приемы, как «указание на субъективность суждения», «соотнесение суждения с действительностью» и «деинтенсификация». Наиболее часто используемыми средствами снижения категоричности суждений как в русском, так и в английском языках являются модально-вводные компоненты, например, «может быть», «perhaps», «кажется», «it seems», «впрочем», «к сожалению», «unfortunately», «я полагаю», «I suppose», «Вы знаете», «you know». Другие эффективные средства – это вопросительные конструкции, например, «Разрешите мне присесть?», «Couldn't we go and have some fish and chips somewhere?», и сослагательное наклонение, например, «Вам лучше всего было бы обратиться...», «That would be terribly kind of you...».

Категоричность высказываний в русской диалогической речи чаще всего выражается с помощью повелительного наклонения. Императивные конструкции также довольно часто используются в английских диалогах, однако наиболее распространёнными являются отрицательные местоимения и

наречия, наречия времени, обобщающие местоимения, например, any, no и их производные; never, always, all, every и его производные. В русских диалогах довольно часто можно встретить инвективы, в то время как в английском их употребление обычно не допускается.

Результаты исследования, полученные в ходе сопоставительного анализа и статистических подсчетов Г.И. Гущиной, говорят о том, что однородная пропорциональность выражения категоричности и некатегоричности в русской и английской диалогической речи в художественных произведениях отсутствует, т.к. некатегоричность более характерна для английских коммуникантов, в то время как категоричность представлена шире в русской речи.

В ряде работ наблюдается интерес к средствам снижения категоричности суждений и к этикетным речевым выражениям как признакам вежливости, что особо характерно для коммуникации при осуществлении научной деятельности.

В.И. Цапко в качестве объекта исследования рассматривает некатегоричные высказывания как «особый разряд высказываний, репрезентирующих результаты оценивания говорящим пропозиционального содержания его высказывания по категории вероятности» [30, с. 9]. В качестве материала исследования были взяты научные лингвистические тексты. Исследователем был проведен сопоставительный анализ двух языков: английского и русского.

Как пишет В.И. Цапко, в научной среде наличие субъективизма оценок и отношений считается признаком неопытности, незрелости исследователя. Однако в отдельных случаях субъективная оценка появляется вследствие отсутствия объективного основания для оценки или же случайностью процесса/явления.

В своем исследовании В.И. Цапко говорит о том, что выражение оценочного отношения в текстах науки может осуществляться через такие

средства языковой и когнитивной модальности как: морфологические, лексические, лексико-фразеологические, синтаксические. В русском и английском языках образуются функционально-семантические поля, различия в составе которых обусловлены различиями между сравниваемыми языками.

По мнению В.И. Цапко, некатегоричные высказывания в научных лингвистических текстах являются приемом приглашения адресата к диалогу с автором текста, выражают осторожность и сдержанность по поводу сообщаемого, стремление соблюсти нормы этики, предоставляют возможность использовать научное наследие в качестве основы для собственной научной деятельности, позволяют авторам снять с себя ответственность за достоверность сказанного и указать на его вероятностный характер [30, с. 18].

Анализ русских и английских научных текстов привел В.И. Цапко к выводу, что в обоих языках наиболее часто используются некатегоричные суждения в ходе дискуссий. Авторы могут умышленно снижать категоричность за недостатком исследовательских данных или таким образом сообщают о своих сомнениях, что расценивается как «ресурс, позволяющий точнее отобразить статус обсуждаемой единицы языка» [30, с. 25].

В сопоставляемых в исследовании В.И. Цапко языках некатегоричность высказывания демонстрирует отношение говорящего к высказываемому, сформулированное на основе «пробаблификации» знания [30, с. 26]. Использование некатегоричных суждений соответствует главным нормам международного научного общения: объективизм, беспристрастность, этичность и вежливость.

Авторы англоязычных лингвистических научных текстов при использовании некатегоричных высказываний основываются, с одной стороны, на культурно-национальной традиции и жанрово-стилистической норме научной коммуникации, а с другой – на собственных речевых привычках и стратегиях. В русскоязычных текстах использование

некатегоричных высказываний не регулируется жанрово-стилистической нормой, поэтому выбор и частота их использования зависит от речевого поведения автора.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что категория категоричности/некатегоричности является частью коммуникативной компетентности говорящего и отражением его речевого поведения. Категоричность/некатегоричность связана с такими коммуникативными категориями и понятиями, как вежливость, кооперация, толерантность, точность, достоверность, прямота. Данная категория используется в формировании эффективной коммуникации среди представителей одной или разных культур.

С точки зрения лингвокультурологии, национально-культурные особенности закрепляются в языке и отражаются в речевом поведении представителя определенной лингвокультурной общности. Так, в английской речи преобладает некатегоричность. При этом в речи представителей русской культуры преобладают, наоборот, категоричные высказывания.

В научной коммуникации независимо от лингвокультуры преобладание некатегоричных суждений объясняется относительностью научного знания, научным этикетом, психологией восприятия реципиента.

1.2 Категоричность/некатегоричность как функционально-семантико-стилистическая категория

В работе Н.С. Милянчук категоричность/некатегоричность высказывания рассматривается как функционально-семантико-стилистическая категория, которая позволяет выявить языковые единицы выражения интересующего значения и определить назначение этих единиц в зависимости от коммуникативной задачи, и как лингвопрагматическая категория, которая охватывает систему разноуровневых языковых средств и осуществляет целенаправленную речевую тактику, при которой высказываниям придается категоричность/некатегоричность [19].

Н.С. Милянчук выделяет и описывает факторы стилистико-нормативного статуса некатегоричных высказываний в научном дискурсе современного русского языка. Во-первых, когнитивный фактор, который базируется на положении о том, что научное исследование предполагает не определение абсолютной истины, а поиск путей решения проблем, которые не могут претендовать на безапелляционность. Во-вторых, этический фактор, который исходит из соблюдения автором научной работы норм научной этики, т.е. проявление гибкости мышления и толерантности к иному мнению. В-третьих, коммуникативно-прагматический фактор, в рамках которого использование некатегоричных высказываний становится более эффективным способом воздействия на адресата в отличии от категоричных суждений. В-четвертых, коммуникативно-дискурсивный фактор: в данном случае некатегоричные высказывания выступают условием для продолжения дискуссии, т.к. говорят о неокончателности выводов.

Далее Н.С. Милянчук уточняет границы объекта исследования, т.е. ставит вопрос о том, какие же высказывания могут считаться некатегоричными. Автор выделяет две стороны приложения признака категоричности/некатегоричности: 1) применяется к информативным высказываниям, рассчитанным на понимание информации, в этом случае категоричность – это определенность, однозначность высказывания, а некатегоричность – неопределенность, неоднозначность; 2) применяется к волюнтативным высказываниям, выражающим побуждение и рассчитанным на ответ, с этой точки зрения категоричность – увеличение иллокутивной силы, некатегоричность – ее снижение.

Автор не относит к некатегоричным высказываниям констатацию фактов и предположения в связи с тем, что некатегоричность связана с регулированием говорящим иллокутивной силы высказывания. Констатация факта не может иметь некатегоричный характер, а гипотетическое суждение не может быть выражено категорично, а снижение категоричности

иллокутивной силы не зависит от воли субъекта. Связь гипотетичности и некатегоричности может выражаться только в использовании одних и тех же языковых единиц. Таким образом, критерии некатегоричности суждений – это выражение мнения, а не знания; выражение собственного мнения субъекта, а не чужого; отражение метаязыковой деятельности субъекта речи.

Анализируя языковые средства снижения категоричности высказываний, автор выделил две тактики их выражения: 1) снижение категоричности в плане содержания – придание суждению неокончателности, 2) снижение категоричности в плане выражения – смягчение резкости, неожиданности формулировки. В рамках поля некатегоричности высказывания выделяются следующие четыре субполя: «снижение категоричности информативного высказывания», «снижение категоричности оценки», «снижение иллокутивной силы императивного высказывания», «смягчение резкости, неожиданности формулировки». Для достижения снижения категоричности используются лексические, грамматические, стилистические средства языка.

Автор отмечает, что использование некатегоричных высказываний в русской научной речи обусловлено не только соблюдением принципа вежливости, они предоставляют возможность адресату адекватно воспринимать информацию, т.е. данная категория сближается с такими прагматическими качествами речи, как ясность, точность, логичность [19, с. 4].

Таким образом, как мы уже отмечали выше, категория категоричности/некатегоричности участвует в регуляции процесса коммуникации. Категоричность/некатегоричность, как функционально-семантико-стилистическая категория, может рассматриваться в качестве стилеобразующей черты речи в сфере научной коммуникации.

1.3 Категоричность/некатегоричность как оценочная категория

В ряде работ категория категоричности/некатегоричности рассматривается как оценочная категория.

По мнению А.П. Миньяр-Белоручевой и А.В. Вестфальской, некатегоричность является особой чертой языка историка [3]. Дело в том, что история, как социально-гуманитарная наука, не может беспристрастно относиться к предмету исследования. Она предполагает изучение исторического процесса с точки зрения определенной идеологии, мировоззрения. Проблема заключается в том, что ученый-историк должен адекватно донести информацию, быть правильно понятым и при этом воздействовать на своего читателя.

Исследователи отмечают, что некатегоричность обусловлена спецификой исторического анализа. Цель научного исторического текста в предоставлении не только информации о событиях прошлого, но и интерпретации и оценки этих событий. Таким образом, некатегоричность суждений связана с субъективностью оценки. Ученый также не может быть категоричен в своих суждениях, т.к. он всегда должен быть готов пересмотреть свои взгляды и оценки по мере поступления новых данных. Выражая свое отношение и оценку, авторы стремятся делать это имплицитно, поскольку неявная оценка может толковаться читателем по-разному.

Однако, изучая материалы, относящиеся к периоду «холодной войны», исследователи пришли к выводу, что, несмотря на различия оценок, многие историки стараются соблюдать некатегоричность высказывания, но при этом не дают идеологической оценки и не проявляют симпатии к какой-либо стороне.

В своей работе Е.Ю. Щербатых рассматривает специфические черты выражения оценочной семантики в ответах респондентов на материале современных англоязычных интервью [36]. Эти особенности обусловлены стремлением респондентов изменить интенсивность выражения оценки. Интенсивность в исследовании трактуется как «мера экспрессивности, эмоциональности, оценочности, сигнализирующая градуальность» [36, с. 18]. Автор выделяет два полюса по шкале интенсивности: интенсификация и

деинтенсификация, т.е. рассматривает категоричность оценки и ее снижение. Для выражения интенсивности используются языковые средства разных языковых уровней.

Изменение степени интенсивности в разных направлениях становится особенно актуальным в ситуации интервью. Во-первых, это связано с соблюдением принципа вежливости, т.е. степень интенсивности снижается, а, во-вторых, интервью – это медиатекст, который требует экспрессивности, т.е. происходит увеличение интенсивности.

Е.Ю. Щербатых выделяет наиболее распространённые интенсификаторы: *very, really, completely, incredibly, absolutely, extremely, totally, deeply, terribly, hugely*, и приводит примеры их использования в речи: «*Times are extremely turbulent*», «*Michael's an incredibly gifted improviser*» [36, с. 19].

По мнению Е.Ю. Щербатых, деинтенсификация имеет две функции: функцию установления контакта и функцию иллокутивного ослабления. Автор выделяет наиболее распространенные способы деинтенсификации: «1) использование деинтенсификаторов (*a bit, slightly, a little*) и аппроксиматоров (*pretty, quite, fairly, rather*); 2) использование отрицания (*I don't think he sees me in a positive light = I think he sees me in a negative light*); 3) использование аксиологических предикатов (*think, consider, guess, hope, suppose*)» [36, с. 21].

Е.Ю. Щербатых отмечает интересную тенденцию к комбинации деинтенсификации и интенсификации в пределах одного высказывания. Например, в предложении «*I think that was deeply shocking*» используется аксиологический предикат *think* с усилительным наречием *deeply*. Автор отмечает, что подобная тенденция возможна, т.к. «прагматические функции интенсификации и деинтенсификации не являются взаимоисключающими» [36, с. 24].

Как мы уже выяснили ранее, критерием категоричности/некатегоричности высказывания является выражение собственного мнения. Некатегоричные высказывания отражают мнение, которое по определению содержит

субъективную оценку, поэтому очевидна тесная связь между некатегоричностью и субъективностью оценки, при этом можно сказать, что категоричные высказывания содержат намек на объективность с точки зрения говорящего.

1.4 Категоричность/некатегоричность как семантико-прагматическая категория

Категория категоричности/некатегоричности как семантико-прагматическая категория включается в круг интересов лингвистической семантики и прагматики. Семантика включает значимые языковые знаки, которые участвуют в ее формировании, прагматика ориентирована на функционирование таких знаков в речи, на коммуникацию адресанта и адресата.

Л.В. Топка рассматривает категорию некатегоричности с точки зрения этих двух взаимосвязанных аспектов: прагматического и семантического, и делает акцент на коммуникативные стратегии и тактики, которые избираются коммуникантами для снижения категоричности своих суждений [26]. В качестве материалов исследования были использованы англоязычные тексты разных функциональных стилей художественной литературы и популярные периодические издания.

Прагматический аспект определяет исследование данной категории в парадигме межличностной коммуникации и, следовательно, обращение к теориям речевой деятельности. Л.В. Топка апеллирует к таким понятиям теории речевой коммуникации, как «социальная ситуация», «тональность», «статус», «роль» и т.д. В исследовании автор исходит из того, что языковую деятельность можно изучать через коммуникативное взаимодействие, и считает наиболее подходящим тактико-ситуативный подход к описанию речевого взаимодействия. Данный подход основывается на «понятии семантической доли, понимаемой как неделимый смысл, который входит как часть в иной, объединяющий смысл» [26, с. 8].

Рассмотрение коммуникативной деятельности позволило объединить речевые действия, учитывая социальные ситуации, в тактики вербального поведения. В свою очередь тактики вербального поведения объединяются в поведенческие ситуации, например, «Просьба», «Пожелание», «Уговаривание» и др.

Полевой подход позволил исследователю рассматривать поведенческие ситуации как микро и макрополя поля некатегоричности, которое разделено на три сегмента – глобальные семантические доли, сумма семантических признаков которых наиболее полно и точно раскрывают суть категории некатегоричности. Они представлены тремя макрополями, которые составляют ядро поля некатегоричности: «Некатегорическое утверждение», «Неуверенность», «Предположение». Так, признаками «Некатегорического утверждения» являются аллюзия, смягчение, тактичность; макрополя «Неуверенность» – двойственность, совещательный характер; макрополя «Предположение» – возможность прогнозирования. Данные признаки также присутствуют в микрополях, которые образуют периферию поля некатегоричности и являются ее связующими компонентами.

Прагматический аспект ядра поля некатегоричности – это совокупность социальных ситуаций, которые составляют поведенческие ситуации и включают понятия психологической дистанции, тональности и статусно-ролевых характеристик коммуникантов. В связи с тем, что Л.В. Топка разделяет взгляды А.В. Бондарко о том, что «языковое содержание есть мыслительное в своей основе содержание» [26, с. 9] и «речевой акт начинается со смысла и кончается смыслом» [26, с. 9], в исследовании внимание фокусируется на смысловом аспекте семантического содержания исследуемой категории некатегоричности, при этом осознается важность языковых значений как средств выражения мыслительного содержания. Однако все лексические, грамматические, лексико-грамматические средства

рассматриваются как промежуточный этап между мыслительным и языковым содержанием.

В отличие от Л.В. Топка в работе К.Ю. Малышкина внимание акцентируется на категоричности высказываний и раскрывается ее семантико-прагматическая природа [14]. Категоричность выражается языковыми и неязыковыми средствами, характеризуется экстралингвистической обусловленностью, шкалированностью и оппозиционностью, демонстрирует степень уверенности и безапелляционности говорящего. Несмотря на то, что интерес исследователя состоит в изучении категоричности суждений, для полноты картины автор изучает все не-нейтральные с точки зрения категоричности высказывания.

К.Ю. Малышкин рассматривает лексико-грамматические маркеры усиления и снижения категоричности высказывания, среди которых модальные слова и словосочетания, причастия меры и степени и т.д. Автор также демонстрирует на примере оценочных и императивных суждений зависимость степени категоричности от выбора структурно-семантической модели высказывания, так, например, для снижения категоричности используются побудительные предложения с семантикой приглашения к совместному действию («Давайте...») или сослагательные формы («Если бы...»). Далее автор разбирает речевые этикетные формулы как приемы снижения категоричности: вежливый отказ («Я вынужден отказать», «Извините»), несогласие («Сомневаюсь»), просьба («Будьте добры»), отрицательная оценка («Вы уж извините мою категоричность»), описывает параязыковые средства регулирования категоричности суждений: фонационные (интонация, логическое ударение), кинетические (жесты), графические (выделение слов/словосочетаний).

В своем исследовании К.Ю. Малышкин анализирует оценочные суждения в средствах массовой информации и научных рецензиях. Так, в публицистических текстах обнаруживается множество средств смягчения

категоричности, которые позволяют публицисту обойти критику в подаче информации, например: отсутствие оценочных предикатов, вопросительные предложения, использование прецедентных текстов. Однако стоит отметить, что в публицистике встречается высокая степень экспрессивности, интенсивности и категоричности, т.к. СМИ обладают функцией воздействия на аудиторию.

Тексты научных рецензий жестко регламентированы и подчиняются нормам научной этики, что обуславливает некатегоричность оценки. Основными способами выражения некатегоричности отрицательной оценки являются использование вопросительных конструкций с семантикой отрицания («Но является ли...?»), безличных предложений (вместо «автор не замечает» используется «не замечается»), выражение сомнения с помощью слов и словосочетаний соответствующей семантики («Вызывает сомнение»), рекомендации. Необходимости снижения категоричности в положительных оценках нет.

Анализ императивных высказываний в речевом жанре «объявление» показал, что побуждение в объявлениях является основной коммуникативной целью. Проанализированные объявления рассматриваются по шкале категоричности: высокая степень категоричности (объявления-приказы и объявления-запреты), умеренная категоричность (объявления-просьбы, объявления-предупреждения), большая категоричность придается за счет указаний на негативные последствия (объявления-предостережения). Снижение категоричности в данном речевом жанре обусловлено соблюдением принципа вежливости.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что, с одной стороны, категория категоричности/некатегоричности связана с умственной деятельностью человека, что говорит о ее семантической природе, а с другой – данная категория является прагматической, выражающая противоположные речевые стратегии (неуверенность, тактичность и уверенность, твердость).

Таким образом, категория категоричности/некатегоричности как семантико-прагматическая категория связана с содержанием языковых знаков и функционированием этих языковых знаков в речевом взаимодействии. Данная категория позволяет установить назначение языковых единиц и осуществить определенные речевые стратегии, при которых говорящий придает своим суждениям категоричность или некатегоричность.

1.5 Категоричность/некатегоричность как «хеджирование»

В англоязычной лингвистике наиболее изученным явлением, связанным с категоричностью/некатегоричностью, являются так называемые «hedges» [38-45].

В своей монографии «Understatements and hedges in English» А. Хюблер разграничивает «understatement» и «hedges» как средства выражения неопределенности [39]. По мнению А. Хюблера, неопределённость бывает двух типов: phrastic (затрагивает пропозициональное содержание предложений) и neustic (затрагивает претензии на адекватность пропозиции). Таким образом, «understatement» рассматривается как выражения фрастической неопределенности (phrastic indetermination), а «hedges» – как выражения ноистической неопределенности (neustic indetermination). Противоположной категорией для «understatement» будет overstatement – преувеличение.

Согласно А. Хюблеру, мы можем говорить о «hedges», когда неопределенность, снижающая отрицательность предложения, обнаруживается в ноистике, то есть в той части иллокуции, которая выражает отношение говорящего к высказыванию в пропозиции. Автор выделяет синтаксические (например, разделительный вопрос) и лексические (например, модальные наречия; модальные глаголы; глаголы намерения, мышления и т.д., используемые модально) средства в качестве способов выражения «neustic indetermination» или «хеджирования». А. Хюблер приводит следующие примеры: 1) «Seemingly, he was alone in the main hall of the Palace», 2) «I suppose

you didn't do your homework», 3) «It was an outstanding performance, wasn't it?». В первом и во втором примере используются такие лексические средства, как модальное наречие «seemingly» и модальный глагол «suppose», в третьем примере используется синтаксическое средство – разделительный вопрос.

В.И. Цапко говорит о том, что в зарубежных источниках некатегоричные высказывания понимаются как пример феномена хеджирования, с помощью которого «авторы, выражающие степень убежденности в истинности того, о чем говорят или пишут, ограничивают смысл высказываемого, ограждают себя от коммуникативных неудач и сохраняют лицо» [30, с. 19]. С помощью хеджирования зарубежные лингвисты пытаются убедить своих коллег в достоверности исследования и при этом придерживаются речевого этикета научного сообщества.

О.Д. Пастухова в своем исследовании, посвященном эвфемизмам, рассматривает связь эвфемизмов и хеджирования [25]. По мнению автора, хеджирование – это прагматическая стратегия смягчения, которая выполняет «защитно-эвфемистическую функцию высказывания за счет представления предметов и явлений нечеткими и неоднозначными» [25, с. 10]. О.Д. Пастухова в работе дает определение и средствам выражения хеджирования – хеджам – это «разновидность функциональных эвфемизмов, целью которых является ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей, что способствует избеганию коммуникативных конфликтов и сохранению «лица» или вуалированию определенных фактов действительности» [25, с. 11].

А.П. Марюхин в своем исследовании непрямой коммуникации в научном дискурсе рассматривает феномен «hedging», в рамках которого выделяет совокупность средств реализации коммуникативных стратегий, позволяющих достичь некатегоричности высказываний [16, 17, 18]. К их числу автор относит прототипизацию, неопределенность, квантификацию, интенсификацию, градуализацию, преуменьшение, эпистемическую модальность, митигацию.

А.П. Марюхин определяет прототипизацию как «процесс сведения конкретных экземпляров к наиболее часто встречающимся сочетаниям признаков или к оптимальному общему варианту» [17, с. 17]. Прототип – это некий первообраз, который берется за основу при характеристике концепта. Например, необходимо различать такие утверждения, как «угорь – это что-то вроде рыбы» и «щука – это что-то вроде рыбы».

По мнению А.П. Марюхина, неопределенность является основным объектом исследования в теории «hedging». Например, «объект может развить достаточно высокую скорость». Автор выделяет: а) семантическую неопределенность – значение слов зависит от ситуации; б) прагматическую неопределенность – значение слов зависит от интенции говорящего; в) эпистемическую неопределенность – недостаточная информативность; г) собственно неопределенность (vagueness) – допускается бесчисленное множество интерпретаций» [16, с. 201].

Квантификация – это некие нечеткие числа, которые позволяют заменять нейтральные высказывания (например, «планеты-карлики имеют малый объем») утверждениями с меньшей категоричностью («почти все планеты-карлики имеют малый объем») или с большей («все планеты-карлики имеют малый объем»).

Интенсификация – это семантическая категория, которая представляет возможность усилить или ослабить прагматическое воздействие суждений. Наречия часто действуют как интенсификторы: они подчеркивают («I really don't...»), усиливают («I absolutely disagree»), ослабляют (kind of, sort of, quite, rather, more or less, somewhat, a little, barely).

Посредством градуализации представляется возможным: 1) выделить различные аспекты оценки и 2) получить информацию о намерении говорящего. В научном дискурсе градуирование используется в форме степеней сравнения прилагательных, словообразовательными элементами

(например, в английском –ish, –y; в русском –оват), которые обладают сильным субъективным зарядом.

Далее А.П. Марюхин выделяет известный нам феномен «understatement» (преуменьшение). Автор также трактует преуменьшение как стилистический прием снижения категоричности и как средство дистанцирования.

«Understatement» затрагивает сущность пропозиции («It is snowing in the mountains a little bit»), а hedging – отношение говорящего к высказываемому («It is snowing in the mountains, I suppose»). Наиболее часто используемые средства выражения «understatement» – это слова quite, rather, a bit, a little. Как пишет А.П. Марюхин, преуменьшение применяется для создания определенного впечатления и содержит в себе намек или подтекст.

Следующее средство, которое А.П. Марюхин выделяет в рамках hedging – эпистемическая модальность. Автор трактует эпистемическую модальность как функционально-семантическую категорию, которая выражает оценку говорящим высказывания с точки зрения достоверности. Данная категория выражается преимущественно с помощью модальных слов и частиц, модальных глаголов и предикативов, предикатов знания и мнений, модальных фраз. Семантика эпистемической модальности различается по нескольким модальным значениям. Их основные типы: простая достоверность (содержится в семантике утвердительных высказываний в изъяяснительном наклонении), проблематическая достоверность («она, наверное, ушла»), категорическая достоверность («она, действительно, ушла»).

Говорящий смягчает свои суждения с помощью приема митигации, чтобы уменьшить негативное влияние на собеседника и/или впечатление о себе («Реактор не взорвался, а просто вышел из строя»). Митигация связана с ослаблением («I suppose») и акцентированием («I am absolutely convinced») значения. Однако отношение между этими значениями не является дихотомией в прямом значении слова. Следовательно, один маркер (например, глагол think) может ослаблять («I think you probably like the sort of clothes I like

anyway)), выражая колебание и неуверенность, и способствовать укреплению суждения («I say I think they made up their minds before they started»).

А.П. Марюхин приходит к выводу, что феномен «hedging» – это универсальное дискурсивное средство, который характеризует текст и его смысловое содержание. Посредством данного явления прослеживается переход от категоричности суждений к их некатегоричности, и наоборот.

Таким образом, hedging представляет собой многообразное, сложное явление, включающее в себя большое количество языковых средств. Наиболее часто встречающимися стратегиями hedging являются снижение категоричности, усиление или смягчение неопределенности высказывания и защита от критики.

1.6 Категоричность/некатегоричность как «understatement»

Первая лингвистическая работа по исследованию «understatement» была написана У. Боллом [37]. По мнению автора, «understatement – это такое средство, которое используется сознательно для создания определенного эффекта» [37, с. 201].

У. Болл пишет, что когда человек испытывает сильные эмоции, в английском языке наблюдается тенденция к преуменьшению («understatement»). Данное явление может выражать смущение. В качестве примера У.Болл приводит следующее «Well, you see, you must see, well upon my word, well after all an Englishman would not like to take the snapshots of a fine vessel sinking» [37, с. 203]. В данном примере автор высказывания использует несколько раз вводные конструкции («you see») и восклицания («well», «upon my word»), что выражает неуверенность, смущение, а также модальный глагол «would not like» для выражения вежливой формы. Помимо этого, в данном примере речь идет о тонущем немецком судне, но для описания вражеского корабля автор использует прилагательное «fine».

«Understatement» используется для того, чтобы скрыть беспокойство. При этом такое высказывание принимает форму юмористической гиперболы.

Например, англичане, находившиеся под угрозой удара ракетой, называли ее жуком-скакуном за характерный механический гул.

Как пишет У. Болл, «understatement» – это компромисс между хорошими манерами и правдивостью, его использование помогает избежать оскорблений [37, с. 205]. Выражая свое мнение о нарисованной картине друга-художника, можно использовать высказывание «It's rather nice», таким образом, это не звучит оскорбительно, а говорящий оставляет возможность для дальнейшего, более честного обсуждения.

«Understatement» употребляется для акцентирования внимания и подчеркивания наиболее важных моментов суждения. Опять же, У. Болл говорит о том, что это не всегда очевидно. Например: «Not for the first time have I asked myself this question». В зависимости от контекста это высказывание может выражать различные эмоции, включая раздражение, удивление, досаду, а инверсия в предложении добавляет экспрессивной окраски.

У. Болл отмечает, что наиболее часто «understatement» используется в разговорной речи. Такие слова и короткие фразы, как *a bit of, a spot of, rather and quite*, составляющие стержень неформального общения, употребляются для корректного, умеренного выражения эмоций.

Еще одним средством выражения «understatement» является двойное отрицание. Следует отметить, что при расшифровке подобного суждения не следует всегда обращаться к математическому закону, а сфокусировать внимание на контексте. Подобные суждения реализовывают стратегию намека и делают смысловые акценты. Иногда такие высказывания могут вызвать недопонимание, т.к. они могут быть по-разному интерпретированы и поняты.

В своей работе У. Болл подчеркивает национальную черту англичан не выставлять напоказ свои эмоции и держать все под контролем: «And so we get the traditional picture of the Englishman with his stiff upper lip, his emotions under firm control, bringing the minimum of thought to Action, muddling through

somehow or other and expressing himself subsequently with modesty and brevity. By this same token we are not as prone to demonstrative gestures as are some other nations. We are less likely to 'wear our hearts on our sleeves' than many other people, and perhaps for this reason we have acquired the reputation of being reserved, aloof, passionless and undemonstrative» [37, с. 204-205]. У. Болл в данном отрывке раскрывает традиционный портрет англичанина через концепт «stiff upper lip»: человек, у которого «жесткая верхняя губа», проявляет сдержанность в проявлении эмоций и «не носит свое сердце на рукаве».

А. Хюблер анализирует феномен «understatement» как типично [британский] английский тип поведения. Автор трактует «understatement» как «a non-direct speech form of saying less than is meant which also contains in essence a speaker's perspective» [39, с. 86], т.е. не прямой способ выражения точки зрения автора, которая подразумевает гораздо больше, чем выражает.

А. Хюблер рассматривает грамматические средства выражения «understatement», основными из которых являются наречия степени. Автора интересуют наречия степени только с эффектом смягчения тона, т.к. именно они используются для формирования «understatement», и для их обозначения А. Хюблер использует термин «детенсификаторы» (detensifiers) и выделяет четыре группы: 1) «compromisers», которые ослабляют силу глагола (comparatively, enough, kind, more or less, quite, rather, relatively); 2) «diminishers», которые усиливают суждение (a little, in many respects, in some respects, in part, mildly, moderately, partially, partly, pretty, slightly, somewhat); 3) «minimizers», которые имеют эффект сильного отрицания истинного значения предиката (a bit, barely, hardly, scarcely); 4) «approximators», которые отрицают значение правды у суждений (almost, basically, nearly, practically, technically) [39, с. 69].

По А. Хюблеру, такие наречия в связке с прилагательными используются для создания «understatement» в английской речи. Кроме того, автор говорит о

том, что формирование «understatement» происходит с помощью двойного отрицания, например, «this book is neither interesting nor uninteresting». Автор обращает внимание на такое отрицание, как аффиксальное, например, ungood, unkind.

А.А. Джиева рассматривает некатегоричность как национально-специфическую черту англо-саксонского менталитета [8]. Автор в своем исследовании исходит из того, что язык при межкультурной коммуникации выступает не только в качестве средства общения, но и как средство выражения культурной самобытности народа.

А.А. Джиева исследует понятие «языковая картина мира», под которой понимает такую модель знаков, выраженную с помощью языковых средств, отраженную в языке в системе образов, символов и стереотипов, которая содержит информацию об окружающей действительности. Национально-культурные эталоны, стереотипы закрепляются в языке в виде образных выражений, которые воспроизводят менталитет определенной лингвокультурной общности и складывают языковую картину мира народа. Таким образом, автор говорит о взаимосвязи понятий «языковая картина мира» и «менталитет» и о том, что «языковая картина мира как отражение менталитета народа связана с процессом мышления и осознанным воспроизведением образа действительности в языке» [8, с. 4].

Специфические черты менталитета воплощаются в лингвоспецифических концептах в языке. Одним из таких уникальных концептов в англосаксонской модели мира является «understatement». Данный феномен, по мнению А.А. Джиевой, является исконно английским, в меньшей мере он свойственен американской культуре.

Исследование феномена «understatement» связано с понятием «дистанция». Дистанцированность проявляется в менталитете англичан и выражается поведенческими особенностями, а также языковыми средствами. Следовательно, «understatement» – это языковое средство проявления

дистанцированности англичан. Люди держат дистанцию для создания комфортных условий во время разговора.

А.А. Джигоева, как и Г.И. Гущина, связывает понятия understatement, «дистанцированность» и «вежливость», а точнее «негативная вежливость». Как отмечает автор, вежливость «негативная потому, что сдерживание в оценке можно рассматривать со знаком минус к реально присущей оценке» [8, с. 7]. Дело в том, что в Англии не принято говорить о проблемах, расстраивать собеседника. «Understatement» может выразить различные эмоции и чувства: смущение, замешательство, волнение, помогает избежать категоричности и излишней негативности оценки, оскорблений, напыщенности, помпезности. Наиболее часто используется для выражения мнений и впечатлений, критики, при сокрытии неприязни и сообщении о неприятных событиях. В исследовании выделяются следующие причины использования «understatement»: неписанные запреты на серьезность, значимость, излишнюю эмоциональность, открытое хвастовство. Часто основанием таких особенностей национального характера называют островное положение Великобритании. Отсюда стремление скрыть чувства и сохранить репутацию. Влияние также оказало традиционное протестантское воспитание: переключать все внимание на чувства собеседника, а не на свои собственные [8, с. 10-11].

В.Г. Иванова, рассматривая концепт «understatement», отмечает, что данное понятие на русский язык может переводиться как «недооценка», «преуменьшение», «недосказанность», но они не могут в полной мере передать суть этого чисто англосаксонского феномена, лингвистический аспект которого исследователь пытается раскрыть [9]. По мнению автора, «understatement» – это лучший способ сохранения доброжелательных отношений.

Распространенный случай использования данного концепта – преуменьшение негативных особенностей ситуации в момент опасности,

трудности или беды. Это связано с попыткой скрыть свои истинные эмоции (страх, тревога), преуменьшение в этом случае выступает в роли защитного механизма, который снизит эмоциональное напряжение. Другой случай выражается в стратегии «напрашиваться на комплимент», т.е. преднамеренное преуменьшение своих положительных качеств с целью получения комплиментов.

Таким образом, «understatement» – это британский феномен языковой сдержанности, суть которого заключается в умышленном преуменьшении реальной ситуации, качеств, характеристик какого-либо объекта, использующийся для достижения различных целей: избегание категоричности, оскорблений, хвастовства, нейтрализация эмоции, внесение непринужденности, регулирование степень эмоционального воздействия на собеседника, смягчение отрицания.

В нашем исследовании мы не выделяем данный феномен и явление hedging, т.к. в результате анализа многочисленных работ ученых [5, 6, 8, 9, 16-18, 23, 37-45] мы не выявили четкого разграничения ни в их определении, ни в средствах их выражения. Оба явления принадлежат полюсу некатегоричности.

1.7 Семантика категоричности/некатегоричности

В результате проведенного анализа теоретического материала мы выявили следующие прагмасемантические типы использования категоричных и некатегоричных высказываний.

Категоричные высказывания – это такой тип фраз, для которого характерна уверенность автора, не допускающего возражений. Используя категоричность, говорящий демонстрирует пренебрежение мнением и интересами собеседника, считает свою точку зрения единственно правильной и пытается навязать ее другим. Как мы выяснили ранее, категоричность имеет тесную связь с категорией оценки, для которой степень категоричности выражения – это неотъемлемая характеристика.

На основании проведенного анализа мы выделили следующие прагмасемантические типы выражения категоричных высказываний: 1) выражение высокой степени уверенности, убежденности в правоте; 2) навязывание своей воли/мнения (императивность, импозитивность); 3) эмоционально-оценочный тип; 4) эффективное воздействие на собеседника. В категоричности в большинстве случаев рассматривают ее негативную, конфликтогенную роль в процессе коммуникации, однако эффективное воздействие на собеседника может осуществляться и при отсутствии импозитивности, в этом состоит ее положительная, продуктивная роль.

Некатегоричные высказывания подразумевают неабсолютную достоверность высказываемых фактов, неполное владение информацией, поэтому автор высказывания может испытывать неуверенность, не склонен к однозначному выражению суждений. Некатегоричность также выражает осторожность, заботу об интересах собеседника, соблюдение принципов кооперативного общения. Таким образом, посредством придания суждениям некатегоричности реализуется: 1) выражение субъективной оценки говорящего; 2) выражение вероятностного знания; 3) соблюдение принципа вежливости и правил речевого этикета; 4) снижение ответственности за достоверность передаваемой информации; 5) обеспечение адекватности восприятия информации.

В нашей работе речь идет о категоричности/некатегоричности высказываний. Следовательно, под высказыванием мы понимаем фрагмент письменного текста, как предложение, в единстве его лингвистических и экстралингвистических характеристик.

1.8 Интегральный подход

Как показал наш анализ, рассмотренные подходы исследуют категорию категоричности/некатегоричности фрагментарно, не учитывается влияние совокупности факторов на употребление изучаемой категории, что не соответствует ее многоаспектной природе. К тому же категория

категоричности/некатегоричности носит оппозитивный характер, однако в фокусе внимания ученых чаще оказываются некатегоричность и средства смягчения категоричности, категоричность же остается менее исследованным членом данной оппозиции. В результате проведенного анализа в рамках современной парадигмы научного лингвистического знания оптимальным представляется изучение категории категоричности/некатегоричности в рамках интегрального подхода, который позволит нам изучить данную категорию как сложное, многогранное явление.

Т.Н. Хомутова разработала универсальный интегральный подход к языку и рассматривает язык и языковые объекты как «сущность и явление, рассредоточенное по четырем секторам, активация единиц которых происходит в процессе коммуникативной деятельности» [28, с. 93] и предлагает общую интегральную модель языка – рисунок 1.1. Данная модель представлена в виде четырех аспектов языка: знание (мышление – сознание), язык как предмет (система и языковой материал), культура и социальное пространство. Эти аспекты соответствуют когнитивному, языковому, культурному и социальному секторам языка. В связи с тем, что объектом исследования Т.Н. Хомутовой является научный текст, в работе рассматривается корреляция уровней интегральной модели на уровне текста.

В когнитивном секторе текст – это фрагмент знания конкретной предметной области. К этому знанию относятся понятия, суждения и отношения, представленные в виде декларативного и процедурного знания. В языковом секторе текст – это фрагмент специального подъязыка, в котором с помощью различных языковых средств выражается декларативное и процедурное знание, культурные ценности и социальные события. В социальном секторе текст – это фрагмент социального пространства в виде модели социальных отношений акта речевой коммуникации – дискурса. В культурном секторе текст – это фрагмент культуры, который базируется на ценностях конкретного народа [28, с. 98].

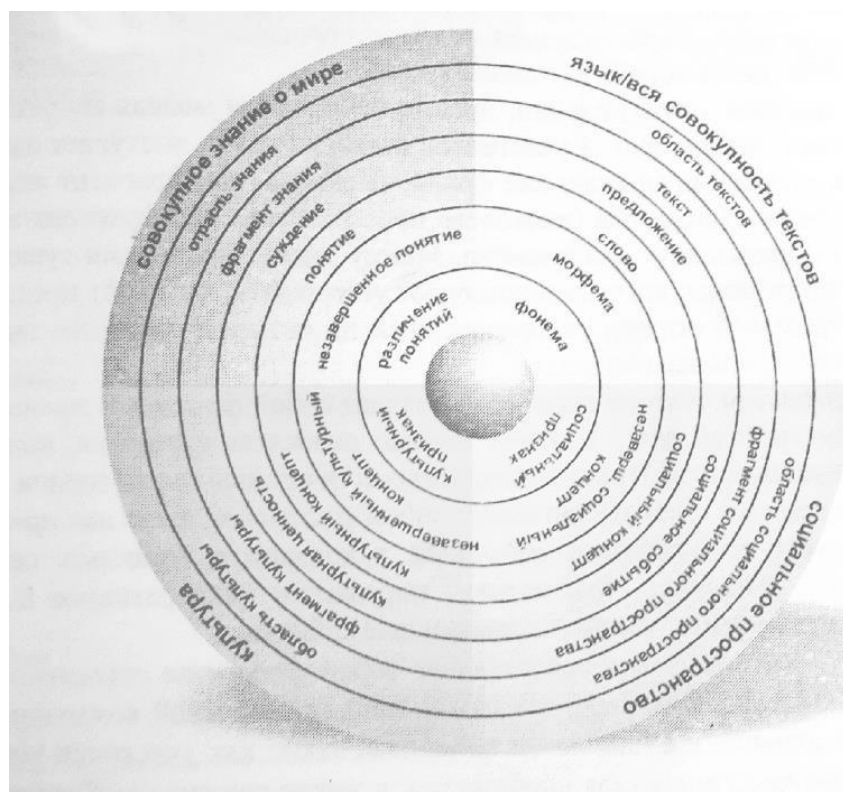

Рисунок 1.1 – Интегральная модель языка

В нашем исследовании предпринята попытка изучить категорию категоричности/некатегоричности как интегральный объект, состоящий из четырех секторов: когнитивного, языкового, культурного и социального. Данные четыре сектора взаимообусловлены и взаимозависимы между собой, их единство актуализируется в процессе дискурсивной (коммуникативной) деятельности.

1.9 Категоричность/некатегоричность как интегральная категория

Как указывалось выше, расхождение в трактовках категории категоричности/некатегоричности в работах лингвистов обусловлено рассмотрением данной категории с точки зрения различных подходов: коммуникативного, функционально-семантического, функционально-стилистического, лингвопрагматического, аксиологического и других. Это дает неполную картину данной категории.

Особое внимание авторы обращают на коммуникативную деятельность: речевые стратегии, коммуникативные задачи и поведенческие ситуации.

Коммуникация тесно связана с различными социальными и культурными факторами, лингвопрагматикой, лингвокультурологией, аксиологией. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа русского и английского языков учеными-лингвистами было выяснено, что категоричность свойственна русской речи, а некатегоричность – английской.

Подтверждением служит изученный авторами лингвокультурологический концепт (феномен, явление) «understatement», непосредственно связанный с некатегоричностью, который является специфической чертой англосаксонского менталитета, а именно, культуры англичан. Наряду с «understatement» (преуменьшение) важную роль играет феномен «hedges», который в речи представляет собой некие «заслонки». Оба явления связаны с дистанцированностью.

Все рассмотренные нами аспекты являются аспектами коммуникации и в таком случае категорию категоричности/некатегоричности целесообразно трактовать как интегральную категорию коммуникативного типа, характеризующуюся своей культурной, социальной, когнитивной и языковой обусловленностью. Рассматривая категоричность/некатегоричность с точки зрения интегрального подхода, мы должны представить единицы всех секторов интегральной модели категоричности/некатегоричности.

Когнитивный аспект данной категории проявляется в выражение знания, вероятностного или достоверного; культурная специфика выражается в культурных ценностях, свойственных определённой национальной культуре, а также в ценностях корпоративной культуры; социальная (прагматическая) природа выражается через речевую стратегию (уверенность, неуверенность), воздействие (импозитивность, императивность), выражение оценки (намек на объективность/субъективность оценки; интенсификация/деинтенсификация оценки); стиль (научный, разговорный и т.д.); языковой аспект представлен разнообразными вербальными средствами; все эти элементы актуализируются в процессе коммуникации как единое целое (табл. 1.1).

Таблица 1.1 – Интегральная модель категоричности/некатегоричности

Когнитивный сектор	Языковой сектор
<ul style="list-style-type: none"> • Достоверное знание (категоричность) • Вероятностное знание (некатегоричность) 	<ul style="list-style-type: none"> • Лексика, семантика, грамматика категоричных высказываний • Лексика, семантика, грамматика некатегоричных высказываний
Культурный сектор	Социальный сектор
<p>Культурные ценности:</p> <p>1. Отношение к общению:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Высококонтекстуальные культуры (низкая толерантность к другому мнению, эмоциональность) – русская лингвокультура • Низкоконтекстуальные культуры (толерантность к другому мнению, сдержанность) – английская лингвокультура <p>2. Отношение к власти:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Авторитарные культуры (прямое выражение приказов, низкая толерантность) – русская лингвокультура • Эгалитарные культуры (команды в виде просьбы и предложения, совместное принятие решений) – английская лингвокультура <p>Ценности корпоративной культуры (этикет)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Воздействие автора высказывания на собеседника (императивность, импозитивность) • Речевая стратегия (уверенность, неуверенность) • Выражение оценки (намек на объективность/субъективность оценки; интенсификация/деинтенсификация оценки) • Социально-обусловленное коммуникативное поведение (функциональный стиль)

1.10 Категоричность/некатегоричность как градуальная категория

Категорию категоричности/некатегоричности следует относить и к градуальной категории. Для этого рассмотрим связь так или иначе фигурировавших в работах исследователей понятий интенсивность,

градуальность с категоричностью/некатегоричностью. Градуальность основывается на компаративности, что предполагает наличие градуальной шкалы. Для ее построения и определения места того или иного высказывания на этой шкале необходимо проанализировать степень интенсивности проявления признака, в нашем случае категоричности/некатегоричности, и соотнести ее с нормой, т.е. с нейтральной формой (нейтральным высказыванием) или сравнить ее со степенью интенсивности этого же признака у другого не-нейтрального с точки зрения категоричности высказывания. Таким образом, категоричность/некатегоричность имеет градуальную степень проявления, выражение которой зависит от многих экстралингвистических факторов, таких как когнитивный, этический, коммуникативно-прагматический, коммуникативно-дискурсивный, а также от функционального стиля, жанра и предметной области текста, речевого поведения субъектов коммуникации и их коммуникативной стратегии, ситуации общения. Шкала категоричности представляет собой континуум от одной критической точки (категоричность) через нейтральную к противоположной критической (некатегоричность). На данном континууме возможно выделение промежуточные типы (скорее категоричные или скорее некатегоричные высказывания).

1.11 Средства вербализации категоричности/некатегоричности

Проведенный анализ теоретического материала позволил нам выявить следующую систему средств выражения категоричности/некатегоричности – таблицы 1.2, 1.3.

1.11.1 Средства вербализации категоричности

Как указывалось выше, семантика категоричности включает: 1) выражение высокой степени уверенности, убежденности в правоте; 2) навязывание своей воли/мнения (императивность, импозитивность); 3) эмоционально-оценочный тип (табл. 1.2).

Высокая степень уверенности в правоте на лексическом уровне выражается с помощью наречий (*категорически, уверенно, бесспорно, действительно, ничуть не, нисколько не, очевидно, решительно, certainly, surely, definitely, totally, obviously, decidedly*), через краткие прилагательные, причастия с семантикой уверенности, несомненности, которые выступают в предложении как сказуемые в русском языке (*уверен, не сомневаюсь, убежден*), глаголы с семантикой уверенности, значимости (*заявлять, утверждать, требовать, подчеркивать, настаивать, to claim, to assert, to assure*). Лексико-синтаксические средства представлены различными вводными конструкциями, в состав которых входят: (*клянусь, утверждают, само собой разумеется, верно говорю, вне всяких сомнений, держу пари, of course, I am sure, no doubt, I swear*).

Императивность в обоих языках выражается на лексическом уровне с помощью модальных слов с семантикой необходимости, обязанности (*должен, обязан, необходимо, надо, нужно, must, have to, need*). На морфологическом уровне используется повелительное наклонение:

«*Stay on with me. I'll give you a contract for another year*»

«*Переоденьтесь сейчас же*»

Для выражения **импозитивности** используются такие вводные конструкции, как *поверьте мне, уверяю вас, согласитесь, I insist*.

Эмоционально-оценочный тип в русском языке может выражаться через такие лексико-синтаксические конструкции, как отрицательное местоимение/наречие + глагол в отрицательной форме (*ничего поделать нельзя, ничего подобного быть не может*), например:

«*Ни в каком календаре ничего подобного быть не может*»

Таблица 1.2 – Средства вербализации категоричности в русском и английском языках

Императивность	Эмоционально-оценочный тип	Высокая степень уверенности, убежденности в правоте	Импозитивность
Русский язык			
<p>Модальные слова с семантикой необходимости, обязанности: <i>должен, обязан, необходимо, надо, нужно</i></p> <p>Повелительное наклонение, запрет</p>	<p>Отрицательное местоимение/наречия + глаголы отрицательной форме: <i>ничего поделать нельзя, ничего подобного быть не может</i></p> <p>Сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий</p>	<p>Наречия: <i>решиительно, категорически, уверенно, беспспорно, действительно, нисколько не, ничуть не, очевидно</i></p> <p>Краткие прилагательные и причастия с семантикой уверенности, несомненности, выступающие в роли сказуемых: <i>уверен, не сомневаюсь, убежден.</i></p> <p>Глаголы с семантикой уверенности, значимости: <i>заявлять, утверждать, требовать, подчеркивать, настаивать</i></p> <p>Вводные конструкции: <i>поверьте мне, клянусь, обещаю, утверждаю, уверяю вас, само собой разумеется, верно говорю, вне всяких сомнений, согласитесь, держу пари</i></p>	<p>Вводные конструкции: <i>поверьте мне, уверяю вас, согласитесь</i></p>
Английский язык			
<p>Модальные слова с семантикой необходимости, обязанности: <i>must, have to, need</i></p> <p>Повелительное наклонение, запрет</p>	<p>Отрицательные местоимения и наречия, наречия времени и обобщающие местоимения и наречия: <i>any, no</i> и их производные; <i>never, always, all, every</i> и его производные</p> <p>Использование вспомогательного глагола <i>do</i> + инфинитив в утвердительных предложениях: <i>I do think...</i></p> <p>Сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий</p>	<p>Наречия: <i>surely, definitely, certainly, obviously, totally, decidedly</i></p> <p>Глаголы с семантикой уверенности, значимости: <i>to claim, to assert, to assure</i></p> <p>Вводные конструкции: <i>of course, I am sure, I insist, no doubt, I swear, I promise, I guarantee</i></p>	<p>Вводные конструкции: <i>I insist</i></p>

В английском языке данный тип выражается через отрицательные местоимения и наречия, наречия времени и обобщающие местоимения (any, no и их производные; never, always, all, every и его производные), например:

«We must all help dear Edward in every way we can,» said Mrs. Barton Trafford»

«I should have thought anyone could see that they were nothing but adventures»

Эмоциональность оценки в обоих языках выражается с помощью сравнительной и превосходной степеней прилагательных и наречий, сочетания наречий и прилагательных с усилительными наречиями (например:

важнейший, очень большой, слишком мрачно, the worst, very interesting, too slow).

При этом в английском также используются лексико-синтаксические конструкции: вспомогательный глагол do + инфинитив в утвердительных предложениях, например:

«I do so want not to be, I so want you to come. I want to make amends to you»

Отметим, что в данном примере, помимо конструкции «do + инфинитив», для выражения эмоциональности используются наречие so и повтор. Последний достаточно часто встречается в русской речи, например:

«Нету! Нету! Нету у меня! – страшным голосом прокричал Никанор Иванович, – понимаешь, нету!»

1.11.2 Средства вербализации некатегоричности

Языковые средства снижения категоричности, которые, как указывалось выше, используются для выражения субъективной оценки говорящего, вероятностного знания, а также для соблюдения принципа вежливости и правил речевого этикета, снижения ответственности за достоверность передаваемой информации, представлены в таблице 1.3.

Для выражения *субъективной оценки* используются глаголы оценки и умственной деятельности (*предполагать, казаться, верить, думать, to think, to consider, to guess, to expect, to project, to foresee, to believe, to assume, to*

suggest, to estimate, to propose), различные вводные конструкции (*я считаю, я думаю, к сожалению, так сказать, вы знаете, если можно так выразиться, в целом, в общем, мне кажется, сомневаюсь, по-моему, не могу утверждать, surprising(ly), (un)fortunately, I am afraid, I'd rather, I hope, in my opinion, in my view, I (don't) think, you know*).

Для выражения **вероятностного знания** на лексическом уровне используются прилагательные вероятности/возможности (*вероятный, возможный, possible, probable, un/likely*), аппроксиматоры (*примерно, приблизительно, около, порядка, approximately, roughly, generally, about, often, occasionally, usually, somehow, a bit, rather, a lot of*), частицы (*бы, вроде, только, просто, немного, всего лишь, малость*), частицеподобные единицы с семантикой неопределенности (своего рода, некий, своеобразный, *more or less, a sort of, a kind of*), наречия (*возможно, вероятно, практически, предположительно, possibly, practically, probably, likely, presumably, virtually, apparently, perhaps*), модальные глаголы с семантикой возможности осуществления деятельности (*может, можно, may, might, can, could, would, should*). В русском языке используются конструкции: X можно рассматривать/считать Y; X кажется/представляется Y; можно утверждать/полагать.

Соблюдение принципа вежливости и правил речевого этикета происходит с помощью этикетных формул вежливости, извинения за последующее (категоричное) высказывание (*извините, простите, excuse me, I'm sorry*), отрицательно-вопросительных конструкций («*Не могли бы вы отойти?*», «*Couldn't we go and have some fish and chips somewhere?*»), побудительных предложений со значением приглашения к совместному действию («*Давайте задумаемся в эту цифру*»), разделительных вопросов («*It was an outstanding performance, wasn't it?*»).

Таблица 1.3 – Средства вербализации некатегоричности в русском и английском языках

Вероятностное знание	Принцип вежливости и правил речевого этикета	Уход от ответственности за достоверность	Субъективная оценка
Русский язык			
<p>Прилагательные вероятности: <i>вероятный, возможный</i></p> <p>Наречия: <i>возможно, вероятно, практически, предположительно</i></p> <p>Аппроксиматоры: <i>примерно, приблизительно, около, порядка</i></p> <p>Частицеподобные единицы с семантикой неопределенности: <i>своего рода, некий, своеобразный</i></p> <p>Частицы: <i>бы, вроде, как бы, только, просто, немного, малость, всего лишь, не;</i></p> <p>Модальные глаголы с семантикой возможности осуществления деятельности: <i>может, можно</i></p> <p>Конструкции: <i>Х можно рассматривать (считать) Y, X кажется (представляется) Y, можно утверждать (полагать)</i></p>	<p>Этикетные формулы вежливости, извинение за следующее (категоричное) высказывание: <i>извините, простите</i></p> <p>Побудительные предложения со значением приглашения к совместному действию, разделительный вопрос, отрицательно-вопросительные конструкции, переспрос</p>	<p>Указание на источник, имеющий отношение к говорящему: <i>по словам, по данным</i></p> <p>Местоимения во множественном числе: <i>мы</i> вместо я;</p> <p>Вводные конструкции с семантикой субъективной оценки: <i>я считаю, я полагаю, к сожалению, так сказать, вы знаете, если можно так выразиться, в целом, в общем, мне кажется, сомневаюсь, по-моему, не могу утверждать</i></p>	<p>Глаголы оценки и умственной деятельности: <i>предполагать, казаться, верить, думать</i></p> <p>Вводные конструкции с семантикой субъективной оценки: <i>я считаю, я полагаю, к сожалению, так сказать, вы знаете, если можно так выразиться, в целом, в общем, мне кажется, сомневаюсь, по-моему, не могу утверждать</i></p>
Английский язык			
<p>Прилагательные вероятности: <i>possible, probable, unlikely</i></p> <p>Наречия: <i>perhaps, possibly, probably, practically, likely, presumably, virtually, apparently</i></p> <p>Аппроксиматоры: <i>approximately, roughly, about, often, occasionally, generally, usually, somewhat, somehow, a lot of, a bit, rather</i></p> <p>Частицеподобные единицы с семантикой неопределенности: <i>more or less, a sort/kind of</i></p> <p>Модальные глаголы с семантикой возможности осуществления деятельности: <i>may, might, can, could, would, should</i></p>	<p>Этикетные формулы вежливости, извинение за следующее (категоричное) высказывание: <i>excuse me, I'm sorry</i></p> <p>Побудительные предложения со значением приглашения к совместному действию, разделительный вопрос, отрицательно-вопросительные конструкции, переспрос</p>	<p>Указание на источник, имеющий отношение к говорящему: <i>according to</i></p> <p>Вводные конструкции с семантикой субъективной оценки: <i>surprisingly (ly), (un)fortunately, I am afraid, I'd rather, I hope, in my opinion, in my view, I (don't) think, you know</i></p>	<p>Глаголы оценки и умственной деятельности: <i>to think, to consider, to guess, to expect, to project, to foresee, to seem, to appear, to believe, to assume, to suggest, to estimate, to tend, to indicate, to propose, to speculate</i></p> <p>Вводные конструкции с семантикой субъективной оценки: <i>surprisingly (ly), (un)fortunately, I am afraid, I'd rather, I hope, in my opinion, in my view, I (don't) think, you know</i></p>

Для *снижения ответственности за достоверность передаваемой информации* в русском и английском языках используются такие средства, как фразы со значением указания на источник, не имеющий отношения к говорящему (*по словам, по данным, according to*), местоимения во множественном числе (*мы* вместо *я*; *наш* вместо *мой*).

Отметим, что такие характеристики, как «эффективное воздействие на собеседника» (категоричность) и «обеспечение адекватности восприятия информации» (некатегоричность) нами не рассматриваются в связи с отсутствием социолингвистического эксперимента, который не входил в рамки нашего исследования.

На основании выявленной системы средств вербализации категоричности/некатегоричности можно сделать вывод, что средства в русском и английском языках во многом сходны, но имеют свои уникальные черты.

В практической части нашего исследования на материале политического дискурса будет разработана актуальная система вербализации категоричности/некатегоричности на основании указанных маркеров, которая наполнит языковой сектор, выделяемый в рамках использованного в нашей работе интегрального подхода, современным фактическим материалом. Поскольку материал нашего исследования представлен политическим дискурсом, считаем необходимым остановиться на понятиях дискурса в целом и политическом дискурсе в частности.

1.12 Определение дискурса. Дискурс и текст

Дискурс – это сложное, неоднозначное понятие. Трудность его определения заключается в том, что дискурс находится в фокусе внимания многих областей знания: лингвистики, философии, психологии, антропологии, политологии и др. В связи с многозначностью понятия «дискурс» и его использованием в различных гуманитарных науках возникают различные взгляды на трактовку данного понятия.

Т.А. ван Дейк, один из основоположников теории дискурса, рассматривает дискурс с разных сторон и выделяет широкое и узкое понимание.

Т.А. ван Дейк в своей работе «Язык. Познание. Коммуникация» рассматривает дискурс как коммуникативное событие: «...дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта», который происходит между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. [2, с. 121-122]. Коммуникативное действие бывает устным, письменным, а также может иметь вербальные и невербальные компоненты.

Т.А. ван Дейк ввел понятие прагматического контекста, при учете условий которого появляется возможность корректно интерпретировать дискурсную информацию. По мнению автора, «понятие прагматического контекста является теоретической и когнитивной абстракцией разнообразных физико-биологических и прочих ситуаций» [2, с. 19]. Схема этого прагматического понимания передает «исходный контекст коммуникации, то есть положение дел, которое потом при совершении речевого акта, неизбежно меняется» [2, с. 21]. «К этому исходному тексту относятся не только события/действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, но, вероятно, и информация, аккумулированная в отношении более "ранних" состояний и событий» [2, с. 21].

В узком смысле дискурс – это «текст устный или письменный с учетом присутствия только одной вербальной составляющей. В этом случае термин «дискурс» обозначает заверченный или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или устный результат, который интерпретируется реципиентами. Дискурс – это письменный или устный вербальный продукт коммуникативного действия» [2, с. 46].

Согласно теории Т.А. ван Дейка, принципы функционирования языка в обществе не только рассматриваются с точки зрения прагматических подходов к дискурсу, но также учитываются определенные социальные факторы (мнения, установки, социальный и этнический статусы); делается акцент на личностных характеристиках носителей языка с их намерениями, чувствами, эмоциями. Т.А. ван Дейк также дает следующее определение «Дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [2, с. 3]

Таким образом, по мнению Т.А. ван Дейка, дискурс – «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [2, с. 8].

Разграничивая понятия «дискурс» и «текст», Т.А. ван Дейк говорит о том, что дискурс – это «актуально произнесенный текст», а текст – это абстрактная грамматическая структура сказанного. Дискурс касается актуального речевого акта – речи, а текст затрагивает систему языка.

В.И. Карасик также рассматривает данный вопрос комплексно, автор понимает дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения», который «допускает множество измерений» [9, с. 5]. В.И. Карасик рассматривает определение дискурса точек зрения разных подходов.

Так, с точки зрения прагмалингвистики, дискурс – это «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение

коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания» [9, с. 5].

Психолингвистика рассматривает дискурс как «развертывание переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок и предписаний» [10]. Для социолингвистики дискурс – «это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [11, с. 233-234]. В.И. Карасик говорит о том, что данные подходы не исключают друг друга, они являются взаимодополняющими.

Н.Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136].

Н.Д. Арутюнова отмечает, что «дискурс – это явление, исследуемое в режиме текущего времени, то есть по мере его появления и развития, и при его анализе необходимо учитывать все социальные, культурологические и прагматические факторы. Дискурс – это речь, погруженная в жизнь. Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [1, с.136-137].

В.З. Демьянков считает, что дискурс представляет собой объединение предложений или их фрагментов, а содержание дискурса концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, который называется «топиком дискурса», или «дискурсным топиком» [7, с. 32]. Отдельные предложения – это компоненты дискурса, логическое содержание которых называется

пропозициями. Пропозиции в свою очередь связаны между собой логическими отношениями (конъюнкции, дизъюнкции, «если – то» и т. п.). Понимая дискурс, интерпретатор komponует элементарные пропозиции в общее значение, помещая новую информацию, содержащуюся в очередном интерпретируемом предложении, в рамки уже полученной промежуточной, или предварительной интерпретации.

Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова рассматривают дискурс как «когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст видится им как конечный результат процесса речевой деятельности, имеющий определенную законченную (и зафиксированную) форму» [13, с. 190]. По мнению авторов, текст может рассматриваться как дискурс только в том случае, если он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его человека. О.В. Александрова и Е.С. Кубрякова отмечают, что текст рассматривается как готовый результат, в то время как дискурс должен рассматриваться как процесс создания текстов [13].

В своей работе Т.Н. Хомутова рассматривает различные подходы к определению дискурса и придерживается точки зрения, согласно которой текст и дискурс являются различными аспектами коммуникации [28]. В нашем исследовании мы также будем придерживаться данной точки зрения на дискурс, который понимается как отдельный акт речевой коммуникации, в процессе которого в социокультурном контексте порождается текст. Текст – это продукт, часть дискурса, предметно-знаковый аспект коммуникации, а дискурс – это процесс, деятельностный аспект коммуникации.

1.13 Типология дискурса

На данный момент существует большое количество различных классификаций дискурсов в силу того, что дискурсы могут разделяться по различным критериям. Рассмотрим некоторые типологии дискурсов.

В соответствии с классификацией В.И. Карасика существует два типа дискурса: персональный, или личностно-ориентированный, при котором

говорящий выступает как личность, и институциональный, при котором как представитель определенного социального института. В.И. Карасик различает две разновидности персонального дискурса: бытовое (происходит между хорошо знакомыми людьми для поддержания контакта и решения обиходных проблем) и бытийное (раскрывает внутренний мир во всем его богатстве, общение носит насыщенный смыслами, развёрнутый характер) общение [10].

Институциональный дискурс – это общение в рамках статусно-ролевых отношений. В.И. Карасик различает следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный. Данный перечень не является окончательным, т.к. общественные институты не могут рассматриваться как однородные явления [10, 11].

В.И. Карасик в своей работе выделяет два системообразующих признака институционального дискурса: цели и участники общения. Так, например, целью политического дискурса, на материале которого проводится наше исследование, по мнению В.И. Карасика, является завоевание и удержание власти, а участниками – политик и избиратель.

Т.Н. Хомутова в своей классификации дискурса исходит из интегрального подхода. Автор рассматривает дискурс как интегральный объект, который распределен по четырем секторам (когнитивном, социальном, языковом, культурном). В каждом секторе Т.Н. Хомутова выделяет наиболее важные основания для типологии [28, 29].

В когнитивном секторе выделяются следующие основания: 1) по предметной области знания («информационные технологии», «история»); 2) по типу знания различают дискурсы первичные (например, статья) и вторичные (например, рецензия); 3) по способу получения знания дискурсы могут быть научными (научно-техническими, естественнонаучными и научно-

гуманитарными, с дальнейшим разделением по области знания) и ненаучными (обыденными, псевдонаучными, лженаучными); 4) по дискурсивным стратегиям дискурсы могут быть культурными, социальными, интерактивными, в том числе прагматическими, семантическими (макроструктура, например, проблема-решение), структурными (суперструктура, например, нарратива), стилистическими и риторическими (например, убеждения) [28, 29].

В социальном секторе выделяются такие основания, как 1) по количеству участников коммуникации выделяются дискурсы-монологи, диалоги, полилоги; 2) по социальным параметрам участников коммуникации дискурсы могут быть гендерными (феминистскими, женскими, мужскими) и возрастными (школьными, студенческими); 3) по географической принадлежности коммуникантов дискурсы могут быть европейскими, латиноамериканскими, региональными, глобальными и т.д.; 4) по этнической принадлежности коммуникантов дискурсы могут быть американскими, русскими, китайскими и т. д.; 5) по ролевым отношениям дискурсы могут быть персональными или институциональными; 6) по целевой аудитории и соответствующей прагматической функции дискурсы могут быть специальными (адресат и адресант – специалисты в данной области), учебными (адресант – специалист, адресат – будущий специалист), популярными (адресант – специалист, адресат – неспециалист) и неспециальными (адресат и адресант – неспециалисты); 6) по сфере (цели) общения выделяются дискурсы производственные, технические, религиозные, научные, художественные, публицистические, регулятивные (юридические), административные, политические, педагогические, бытовые и т. д [28, 29].

В языковом секторе автор выделяет следующие основания: 1) по языку дискурсы могут быть вербальными и невербальными; 2) по форме представления (каналу связи) все дискурсы делятся на письменные/виртуальные, устные/актуальные и

смешанные/мультимедийные; 3) по грамматической структуре дискурсы делятся на описания, повествования, рассуждения; 4) по степени стереотипизации дискурсы могут быть жесткими, полужесткими и гибкими; 5) по жанровой принадлежности дискурсы того или иного функционального стиля, могут быть автобиографическими, газетными, журнальными, рекламными, новостными, песенными, энциклопедическими, лекций, докладов, бесед, статей и т. д. В культурном секторе дискурсы выделяются по принадлежности к той или иной культуре и культурным ценностям и могут быть универсальными (например, приветствие, интервью, лекция, проповедь и т. д.) и культурно-специфическими (например, конкретными или абстрактными, линейными или нелинейными, эмоциональными или нейтральными, агрессивными или спокойными и т. д.) [28, 29].

В данной работе материалом исследования является политический дискурс. С точки зрения В.И. Карасика, как мы уже говорили выше, политический дискурс – это вид институционального дискурса. Согласно типологии дискурса Т.Н. Хомутовой, политический дискурс можно классифицировать по следующим критериям: по предметной области (внутренняя и внешняя политика) и по дискурсивным стратегиям (макроструктура: проблема-решение) в когнитивном секторе, по участниками коммуникации (по количеству участников: дискурс-монолог; по географической принадлежности: русский, американский, британский) и по отношениям между ними (по ролевым отношениям: институциональный; по целевой аудитории: специальный; по сфере общения: политический) в социальном секторе, по языку (вербальный: русскоязычный и англоязычный) и по форме представления (устный: послание) в языковом секторе, по принадлежности к той или иной культуре (универсальный: послание) в культурном секторе.

1.14 Политический дискурс

В данном разделе нам необходимо рассмотреть основные функции и характеристики политического дискурса. В.З. Демьянков в своей работе говорит о том, что «сама речь «политически нагружена», поскольку является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык», который «всегда был важнейшим фактором для установления политического подавления, экономической и социальной дискриминации» [7, с. 32-33]. По мнению автора, политический язык обладает следующими характеристиками:

- 1) терминологичность политического языка
- 2) специфичная структура дискурса
- 3) специфичность звукового и письменного оформления

С точки зрения В.З. Демьянкова, цель политического дискурса состоит в том, чтобы вызвать у адресатов определенные реакции и убедить их совершать конкретные действия, «политически правильные» [7, с. 37]. Автор выделяет такую характеристику, как эффективность политического дискурса. Политический дискурс эффективен, если есть результат навязывание адресатам ценностей и оценок. Политический деятель должен уметь убеждать общество и для этого он использует различные средства: воздействовать на эмоции, на чувство долга или на другие моральные установки и т.д.

Далее В.З. Демьянков выделяет оценочность и агрессивность как особую характеристику, которая отличает политический дискурс от любого другого. Политический деятель стремится сформировать у адресатов отрицательное мнение о противнике, используя оценочные суждения и агрессивную лексику. Следующая характеристика, которую выделяет В.З. Демьянков представляет собой отстаивание своей точки зрения. Автор утверждает, что выступающий политический деятель предполагает, что адресат знает, к какой партии он принадлежит, какой позиции он придерживается и против какой выступает. Отстаивание своей позиции происходит путем дискредитации оппонента.

А.П. Чудинов рассматривает основные дискурсивные характеристики политической коммуникации: 1) авторство; 2) адресность; 3) общедоступность и эзотеричность; 4) ритуальность и информативность; 5) институциональность и личностный характер; 6) редукционизм и полнота информации; 7) стандартность и экспрессивность; 8) диалогичность и монологичность; 9) явная и скрытая оценочность; 10) агрессивность и толерантность [32, 33].

Е.И. Шейгал в своей работе «Семиотика политического дискурса» говорит о связи языка и политики: «специфика политики... заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [34, с. 27]. С помощью языка политический деятель информирует, дает указания, проводит законодательные акты, убеждает и др. Е.И. Шейгал рассматривает такие понятия, как язык политики, политическая коммуникация и политический дискурс. Если политическую коммуникацию и политический дискурс можно считать нестрогими синонимами, то язык политики – это самостоятельный термин. Под языком политики автор понимает вариант общенационального языка, профессиональный подъязык.

Как и любой другой профессиональный язык, язык политики обладает своей спецификой: особой лексикой, канонизированными выражениями, клише. Далее Е.И. Шейгал выделяет некоторые особенности грамматики, среди которых «использование номинализированных конструкций-девербатов и безагенсного пассива», а также употребление личных местоимений во множественном лице («мы», «наш») [34, с. 30]. Однако, как отмечает автор, эти особенности не характерны исключительно политическому дискурсу, они встречаются и в других видах коммуникации.

Таким образом, язык политики – это «весь корпус знаков, составляющих семиотическое пространство политического дискурса» [34, с. 30]. Е.И. Шейгал, уточняя понятие «язык политики», разграничивает данное понятие с понятием «политический язык». Язык политики трактуется автором как

«терминология и риторика политической деятельности, где политики выступают в своей профессиональной роли». Политический же язык может использовать любой в качестве средства манипуляции.

Е.И. Шейгал рассматривает политический дискурс в двух измерениях: реальном и виртуальном. Таким образом, с одной стороны, политический дискурс – это «текст в конкретной ситуации политического общения», а с другой – он «включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [34, с. 9].

Е.И. Шейгал выделяет ведущую функцию и системообразующие характеристики политического дискурса. Ведущей функцией политического дискурса автор называет регулятивную функцию, которая подразумевает побуждение к действию, воздействие на адресата, т.е. регуляцию его поведения. Среди характеристик выделяются следующие: «а) преобладание массового адресата; б) доминирующая роль фактора эмоциональности и значительный удельный вес фатического общения; в) смысловая неопределенность, связанная с фантомностью ряда денотатов и фидеистичностью; г) эзотеричность как результат использования манипулятивных стратегий, важнейшими из которых являются эвфемизация, намеренная уклончивость, намек и ссылки на слухи; д) опосредованность политической коммуникации фактором масс-медиа; е) театральность, необходимость политиков «работать на публику», привлекая ее своим имиджем; ж) динамичность языка политики, обусловленная злободневностью отражаемых реалий и изменчивостью политической ситуации» [34, с. 9].

По мнению Т.И. Никишиной, главной функцией политического дискурса является информационная функция, т.к. передача информации обществу – это необходимое условие удержания власти [22]. Помимо информационной

функции автор выделяет инструментальную функция; функцию нормирования; функцию легитимации и прогноза.

В.А. Павлуцкий важнейшими функциями политического дискурса считает функции убеждения и политической пропаганды, т.к. главной целью является формирование в обществе таких мнений, которые необходимы автору дискурса [24].

Таким образом, можно сделать вывод, что выделяемые авторами основные характеристики политического дискурса (преобладание массового адресата, общедоступность, эффективность, клишированность лексики, эмоциональность и оценочность высказываний) и его ведущие функции (информационная, персуазивная, регулятивная) исходят из того, что политический дискурс имеет своей главной целью завоевание и удержание власти. Политические деятели не могут осуществлять коммуникацию с обществом, достигнуть вышеуказанной цели, не используя языка, по терминологии Е.И. Шейгал, языка политики. В рамках данного исследования нас интересуют характеристики политического дискурса и их связь с категоричностью/некатегоричностью (табл. 1.4).

Таблица 1.4 – Характеристики политического дискурса

	Характеристики	В.З. Демьянков	А.П. Чудинов	Е.И. Шейгал	В.А. Павлуцкий
Категоричность	Оценочность	+	+		
	Эмоциональность	+	+	+	
	Навязывание мнения	+		+	+
Некатегоричность	Эзотеричность			+	
	Толерантность		+		
	Неопределенность		+	+	

Такие характеристики политического дискурса, выделенные учеными, как эффективность политического дискурса, оценочность, экспрессивность, агрессивность, эмоциональность, отстаивание своего мнения, по нашей классификации, выражаются в речи категоричными высказываниями, а неопределенность, скрытая оценочность, толерантность и эзотеричность – некатегоричными высказываниями.

Выводы по главе 1

Исследование специфики вербализации категории категоричности/некатегоричности предполагает изучение данной категории с точки зрения различных подходов: коммуникативного, функционально-семантического-стилистического, лингвопрагматического, семантического-прагматического, аксиологического. Рассматриваемая категория позволяет установить содержание и назначение языковых знаков, осуществить определенные речевые стратегии (уверенность и неуверенность, импозитивность и неимпозитивность, вежливость и грубость и др.). Категория категоричности/некатегоричности участвует в формировании эффективной коммуникации и ее регулировании среди представителей одной или разных лингвокультур, участников различных сфер коммуникации (научной, политической, бытовой и т.д.), т.е. категория категоричности/некатегоричности является частью коммуникативной компетентности говорящих и отражением их речевого поведения.

Фрагментарное представление о специфике категории категоричности/некатегоричности обуславливает необходимость ее исследования с точки зрения интегрального подхода, т.е. рассмотрение категоричности/некатегоричности как интегрального объекта, состоящего из четырех секторов: когнитивный сектор проявляется в выражение знания, вероятностного или достоверного; культурная специфика выражается в культурных ценностях, свойственных определённой национальной культуре, а также в ценностях корпоративной культуры; социальная (прагматическая)

природа выражается через речевую стратегию (уверенность, неуверенность), воздействие (импозитивность, императивность), выражение оценки (намек на объективность/субъективность оценки; интенсификация/деинтенсификация оценки); стиль (научный, разговорный и т.д.); языковой аспект представлен разнообразными вербальными средствами; все эти элементы актуализуются в процессе коммуникации как единое целое.

В результате анализа нами были выявлены прагмасемантические типы категоричных высказываний: 1) выражение высокой степени уверенности, убежденности в правоте; 2) навязывание своей воли/мнения (императивность, импозитивность); 3) высокая оценочность; и некатегоричных высказываний: 1) выражение субъективной оценки; 2) выражение вероятностного знания; 3) соблюдение принципа вежливости и правил речевого этикета; 4) снижение ответственности за достоверность передаваемой информации. Рассматриваемая категория носит оппозитивный, градуальный характер: шкала категоричности – это континуум от одной критической точки (категоричности) через нейтральную к противоположной критической (некатегоричности).

В данном исследовании категория категоричности/некатегоричности определяется как интегральная градуальная категория коммуникативного типа, характеризующаяся своей культурной, социальной, когнитивной и языковой обусловленностью. Во второй главе данной работы будет разработана система вербализации категоричности/некатегоричности на материале политического дискурса.

Дискурс понимается как отдельный акт речевой коммуникации, в процессе которого в социокультурном контексте порождается текст. Текст – это продукт, часть дискурса, предметно-знаковый аспект коммуникации, а дискурс – это процесс, деятельностный аспект коммуникации. С точки зрения интегрального подхода политический дискурс классифицируется по предметной области (внутренняя и внешняя политика) и по дискурсивным

стратегиям (макроструктура: проблема-решение) в когнитивном секторе, по участниками коммуникации (по количеству участников: дискурс-монолог; по географической принадлежности: русский, американский, британский) и по отношениям между ними (по ролевым отношениям: институциональный; по целевой аудитории: специальный; по сфере общения: политический) в социальном секторе, по языку (вербальный: русскоязычный и англоязычный) и по форме представления (устный: послание) в языковом секторе, по принадлежности к той или иной культуре (универсальный: послание, обращение) в культурном секторе.

Интерес к изучению категории категоричности/некатегоричности на материале политического дискурса обусловлен тем, что политический дискурс имеет своей главной целью завоевание и удержание власти, что проявляется в таких его характеристиках, как эффективность, оценочность, экспрессивность, агрессивность, эмоциональность, навязывание своей воли и мнения, неопределенность, скрытая оценочность, толерантность, которые непосредственно связаны с выделенными нами прагмасемантическими типами категоричных и некатегоричных высказываний.

ГЛАВА 2 СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ КАТЕГОРИЧНОСТИ/НЕКАТЕГОРИЧНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С целью установления сходств и различий в средствах вербализации категории категоричности/некатегоричности в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе нами были проанализированы публичные выступления Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона и Президента США Дональда Трампа.

Объектом анализа выступают языковые средства вербализации категории категоричности/некатегоричности. Задачи данной главы – опираясь на выделенные в главе 1 прагмасемантические типы употребления категоричности/некатегоричности и систему средств их выражения, проследить, характерны ли описанные в ранее проведенных исследованиях средства для рассматриваемых дискурсов, а также выявить новые, универсальные и культурно-специфические.

В связи с тем, что в центре нашего внимания находится вербализация средств категории категоричности/некатегоричности, нами использовались печатные тексты выступлений политиков. В качестве фактического материала исследования были использованы тексты ежегодных посланий Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию 2019 и 2020 годов, тексты выступлений Бориса Джонсона в качестве премьер-министра за 2019 и 2020 года, тексты обращений Дональда Трампа к Конгрессу и к нации за 2019 и 2020 года.

2.1 Вербализация категоричности/некатегоричности в политическом дискурсе В.В. Путина

2.1.1 Средства вербализации категоричности

В данном разделе нам необходимо представить систему средств вербализации категоричности в русскоязычном дискурсе В.В. Путина в соответствии с выделенными прагмасемантическими типами: 1) выражение высокой степени уверенности, убежденности в правоте; 2) навязывание своей воли/мнения (императивность, импозитивность); 3) эмоционально-оценочный тип. В политическом дискурсе В.В. Путина нами было выявлено всего 564 маркера категоричности.

2.1.1.1 Навязывание собственной воли/мнения (императивность/импозитивность)

Количество маркеров данного типа – 265, что составляет 47% от общего числа маркеров категоричности. Наиболее частотным способом выражения императивности является использование модальных слов с семантикой необходимости, обязанности, долженствования (236/41,8%¹), которые входят в состав сказуемого: «должен», «обязан», «необходимо», «надо», «нужно»:

*«Задавать такой тон **обязано** Правительство России» [47].*

*«Повторю, мы **должны** работать по всем направлениям поддержки семьи» [46].*

Использование модальных слов с семантикой долженствования, обязанности, необходимости является наиболее частотным средством выражения не только типа «императивности», но и плана категоричности в целом.

Помимо этого, Президент РФ прибегает к использованию запретов (16/2,8%), в основе которого лежит предикативное наречие «нельзя». Необходимо отметить, что в данных примерах в дополнение к наречию

¹ Здесь и далее в работе в скобках указывается количество маркеров и их процент от общего числа маркеров категоричности/некатегоричности в дискурсе политического деятеля.

«нельзя» категоричность усиливается за счет устойчивого словосочетания «ни в коем случае».

*«Это наше преимущество, которого мы достигли за последние годы, и ни в коем случае его **нельзя** потерять» [46].*

*«Ни в коем случае **нельзя** допускать здесь сбоев» [46].*

В.В. Путин практически не употребляет глаголы в повелительном наклонении, нами был выявлен только один случай, однако использует другое средство вербализации побуждения – глагол «поручать» (7/1,2%):

*«**Поручаю** Минприроды провести детальную ревизию» [47].*

*«**Поручаю** Правительству уже начиная со следующего года на условиях софинансирования с регионами оказать содействие субъектам Федерации, которые активно внедряют практику социального контракта» [47].*

Навязывание своей воли/мнения через импозитивные конструкции с глаголами «уверять», «рассчитывать», «призывать» в речи Президента встречаются намного реже (5/0,9%):

*«На внешнем пойдёт всё влёт, **уверяю вас**, там ничего чистого вообще не осталось, за границей» [47].*

*«В том числе **призываю** бизнес активнее участвовать в проектах по развитию рынка газомоторного топлива, инвестировать в создание сети заправок и топливных систем, использующих, в частности, сжиженный природный газ» [47].*

*«**Рассчитываю**, что наши компании, деловые сообщества будут активно присоединяться к проектам, таким как «Билет в будущее», благодаря которому школьники, начиная с шестого класса, смогут не только пройти профориентацию, но и получить практику на предприятиях» [47].*

Послание президента хотя и не является нормативным правовым актом главы государства и не обладает юридической силой, однако все сказанное играет значительную роль в политическом и правотворческом процессе. Палаты Федерального Собрания по итогам заслушивания послания

президента нередко принимают специальные постановления, направленные на реализацию намеченных президентом законодательных мероприятий. Все вышеприведенные примеры высказываний В.В. Путина указывают на императивность/импозитивность его речи.

2.1.1.2 Эмоционально-оценочный прагмасемантический тип

Данный тип в речи В.В. Путина представлен 178 маркерами, что составляет 32%. Эмоциональность и оценочность в речи В.В. Путина на морфологическом уровне выражается с помощью сравнительной и превосходной степеней прилагательных и наречий (26/4,6%), а на лексическом уровне – усилительные наречия «крайне», «очень», «гораздо», «чрезвычайно» (33/5,8%).

*«Так, **важнейший**, чувствительный вопрос – возможность устроить ребёнка в ясли» [46].*

*«Ещё **более жёсткие** требования должны предъявляться к лицам, претендующим на должность Президента Российской Федерации» [46].*

*«Россия вошла сейчас в **очень** сложный демографический период» [47].*

*«Всё это **крайне** важно для развития Сибири и Дальнего Востока» [47].*

Отдельно выделим такие морфологические средства выражения категоричности, как усилительные союз «причем» и частицы «даже», «именно», «просто» (49/8,7%).

*«Но возникли и угрозы, **причём** угрозы такого масштаба, о которых никто раньше даже и не задумывался» [46].*

*«Мы видим, с какими проблемами, **даже** потрясениями сталкиваются граждане тех государств, где подобной «подушки безопасности» не было, где такой фундамент оказался зыбким» [46].*

*«**Именно** пять ядерных держав несут особую ответственность за сохранение и устойчивое развитие человечества» [46].*

В проанализированных посланиях Президента необходимо отметить то, как Владимир Владимирович Путин постоянно привлекает внимание к своей

речи с помощью глаголов «подчеркивать» и «повторять» (40/7,1%) и словосочетания «обращать внимание» (14/2,4%).

«Хочу подчеркнуть, Россия готова поддержать совместные исследования отечественных и зарубежных учёных по проблемам экологии, изменения климата, загрязнения окружающей среды и Мирового океана» [46].

«Обращаю внимание, такие ситуации не должны больше никогда повторяться» [46].

«Повторю, мы должны работать по всем направлениям поддержки семьи» [46].

Однако с помощью данного приема В.В. Путин не только привлекает внимание, но и усиливает категорический компонент последующего высказывания, повышает его значимость.

На синтаксическом уровне достаточно часто В.В. Путин прибегает к повторам (16/2,8%), особенно в связке с выражениями «хочу подчеркнуть», «подчеркиваю», «повторю».

«То есть действительно со сложной, очень сложной ситуацией» [46].

«Смысл всех, хочу это подчеркнуть, всех принимаемых нами мер заключается в том, чтобы создать в России стройную, масштабную и, главное, эффективно работающую систему поддержки семей, чтобы доходы наших граждан, в первую очередь тех, кто поднимает на ноги детей, были достаточными для достойной жизни» [46].

2.1.1.3 Высокая степень уверенности, убежденности в правоте

Данный тип представлен 121 маркерами, что составляет 22% от общего числа маркеров категоричности. Вербализация высокой степени уверенности, убежденности в правоте в речи В.В. Путина на лексическом уровне происходит с помощью слов, выражающих уверенность говорящего и категоричную достоверность: 1) наречий с семантикой уверенности, несомненности (52/9,2%): «действительно», «обязательно», «абсолютно», «кардинально»; 2) кратких прилагательных и причастий с семантикой

уверенности, несомненности, выступающих в роли сказуемых (8/1,4%): «уверен», «убежден».

*«Такие проекты **обязательно** потянут за собой рост малого бизнеса, туризма, социальной активности в регионах и на местах» [46].*

*«**Убеждён**, мы способны достичь здесь такого же прорыва, как и в оборонной сфере» [46].*

На синтаксическом уровне используются вводные слова с семантикой уверенности (61/10,8%): «конечно», «безусловно», «естественно», «разумеется».

*«**Естественно**, необходимо не просто увеличивать цифры приёма, а серьёзно, с участием бизнеса, работодателей заняться развитием университетов и вузов в регионах, включая укрепление их учебной, исследовательской и социальной инфраструктуры, системы постоянной подготовки и повышения квалификации преподавателей региональных вузов, чтобы студенты могли получать современные знания, начать успешную карьеру на своей малой родине» [46].*

Таким образом, результаты анализа использования средств вербализации категоричности в послании В.В. Путина можно представить в виде таблицы (табл. 2.1). Основываясь на количественных данных таблицы, наиболее широко в речи В.В. Путина представлен прагмасемантический тип навязывания собственной воли/мнения, а именно императивность речи. Необходимо подчеркнуть, что повелительное наклонение в речи Президента не представлено. Это объясняется тем, что В.В. Путин не стремится показывать свою власть, отдавая прямые приказы, однако императивность речи проявляется за счет лексических средств с семантикой необходимости, обязанности, долженствования, при этом часто используется страдательный залог, чтобы показать, что должно произойти, какой должна быть ситуация в стране, либо говорится о том, что «мы»/государство/правительство обязано сделать.

Таблица 2.1 – Средства вербализации категоричности в политическом дискурсе В.В. Путина

Уровень языка	Императивность			Эмоционально-оценочный тип		Уверенность	Импозитивность	Всего	
Морфологический уровень	Повелительное наклонение			Сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий	Усилительный союз «причем» и частицы	-	-	76	
	1								26
Лексический уровень	Модальные слова с семантикой обязанности, долженствования	Поручение, выраженное глаголом «поручаю»	Запрет, в основе предикативное наречие «нельзя»	Усилительные наречия	Глаголы «подчеркнуть», «повторять» для акцентирования	Наречия	Краткие прилагательные и причастия	Глаголы «уверять», «призывать»	397
Синтаксический уровень	-			Повтор	Словосочетания «обращать внимание» для акцентирования	Вводные слова	-	91	
	-								16
Всего	260			178		121	5	564	

Количественные данные подтверждают императивность речи: 260 лексических маркеров из 564 выявленных маркеров категоричности всего, т.е. 46% от общего числа (табл. 2.1). Помимо этого, конечно, в меньшем количестве, используются лексические средства, выражающие поручения и запреты. Как следствие, это отражается на распределении языковых средств вербализации категоричности по уровням языка.

Несколько в меньшей степени в речи В.В. Путина выявлены средства эмоционально-оценочного типа – 178 случаев или 32% от общего числа. Данный прагмасемантический тип представлен разнообразными языковыми средствами: морфологическими (76/13,5%), лексическими (397/70,4%) и синтаксическими (91/16,1%).

Вербализация высокой степени уверенности также представлена средствами лексического уровня, в основном В.В. Путин использует наречия уверенности и вводные слова. Несмотря на то, что эти средства представлены в меньшей степени (121/22%), чем средства вербализации императивности, эмоциональности/оценочности, уверенность В.В. Путина прослеживается на протяжении всего выступления, т.к. нельзя однозначно отнести все выделенные средства только к одному типу.

2.1.2 Средства вербализации некатегоричности

Послание президента Российской Федерации Федеральному собранию – это программный политико-правовой документ, выражающий видение президента стратегических направлений развития России, т.е. президент выдвигает свои предложения на рассмотрение. Следовательно, послание не может состоять только из категоричных высказываний.

В данном разделе нам необходимо представить систему средств вербализации некатегоричности в русскоязычном дискурсе В.В. Путина в соответствии с выделенными прагмасемантическими типами: 1) субъективная оценки говорящего; 2) вероятностное знание; 3) принцип вежливости и правила речевого этикета; 4) снижение ответственности за достоверность

передаваемой информации. В политическом дискурсе В.В. Путина нами было выявлено всего 190 маркеров некатегоричности.

2.1.2.1 Субъективная оценка или мнение

Данный тип в речи В.В. Путина представлен 79 маркерами, что составляет 42% от общего числа маркеров некатегоричности. Выдвигая свои предложения, то есть выражая субъективную оценку или мнение, В.В. Путин использует глаголы оценки и умственной деятельности: «думать», «считать», «предлагать» (59/31,1%).

«Считаю, что такой подход сделает работу силовых, правоохранительных органов более прозрачной и в большей степени подотчётной обществу» [46].

*«Так, **предлагаю** предусмотреть «ипотечные каникулы» – мы недавно говорили об этом в Казани, – то есть отсрочку по платежам для граждан, которые лишились дохода» [47].*

Другое средство – вводные конструкции с семантикой субъективной оценки «в целом», «к сожалению», «наверное» (20/10,5%).

*«К настоящему времени выдано 16 таких разрешений, но **в целом** работа идёт по плану» [46].*

*«Но таких поликлиник, **к сожалению**, пока очень мало, они скорее исключение, чем правило по стране в среднем» [47].*

2.1.2.2 Принцип вежливости и правила речевого этикета

Данный тип представлен 76 маркерами, что составляет 40% от всех маркеров некатегоричности. В.В. Путин помимо прямых поручений использует этикетную формулу просьбы: «прошу» + глагол совершенного вида (26/13,7%). Очевидно, что это очередное побудительное высказывание – поручение в мягкой форме. Таким образом, Президент осуществляет соблюдение принципа вежливости и правил речевого этикета. Если сравнить рассмотренные ранее побудительные высказывания-поручения и этикетную формулу просьбы, то исходя из количественных данных (табл. 2.1, табл. 2.2),

вежливую просьбу В.В. Путин использует чаще: при анализе было выявлено 26 случаев ее употребления и 7 случаев использования формулы поручения.

*«Уже внёс в Думу и **прошу поддержать** поправки, которые убирают размытые нормы уголовного законодательства в части так называемых экономических составов» [46].*

*«Я **прошу** Общероссийский народный фронт **взять** под контроль ход оснащения, строительства и ремонта ФАПов» [46].*

*«**Прошу** Правительство и парламентариев **сделать** это максимально оперативно» [46].*

Другая этикетная формула, которую Президент использует чаще всего – «Уважаемые коллеги» (37/19,5%).

*«**Уважаемые коллеги**, на базе передовых технологий нужно форсировать модернизацию инфраструктуры» [47].*

*«**Уважаемые коллеги**, высокая доступность интернета должна стать конкурентным преимуществом России и наших граждан, создать широкое пространство для образования и творчества, для общения, для реализации социальных и культурных проектов» [46].*

В.В. Путин смягчает категоричное высказывание, выражая, во-первых, уважение к своим подчиненным, во-вторых, обращаясь к членам Федерального Собрания как «коллеги», указывает на то, что это не приказ, а общая задача для Президента и Правительства.

При этом в меньшей степени (6/3,2%) в речи Путина представлены побудительные предложения к совместному действию, например:

*«**Уважаемые коллеги, давайте руководствоваться** прежде всего их интересами – интересами наших людей» [46].*

*«**Давайте, действительно, подведём черту** и с 1 января 2021 года **прекратим действие** всех существующих в настоящее время нормативных актов в сфере контроля, надзора и ведомственные региональные приказы, письма и инструкции» [46].*

Следующим средством снижения категоричности высказывания является использование сослагательного наклонения глагола «хотеть» (8/4,2%), например:

*«В этой связи **хотел бы** предложить новые, дополнительные решения по материнскому капиталу, которые также должны вступить в силу с 1 января 2020 года» [46].*

*«Но, открывая эту дискуссию, **хотел бы** придать ей определённое направление, как минимум показать, перед какими вызовами мы стоим» [46].*

2.1.2.3 Вероятностное знание

Количество маркеров данного типа – 29, что составляет 15% от общего числа маркеров некатегоричности. Вероятностное знание в речи В.В. Путина выражается на лексическом уровне через использование аппроксиматоров (18/9,5%): «почти», «практически», «примерно» и др. и модальных слов «может», «можно» с семантикой возможности, вероятности (9/4,7%); на синтаксическом уровне – вводной конструкции «может быть» с семантикой возможности, допустимости чего-либо (2/1,1%).

*«Мы уже обеспечили **практически** повсеместную доступность детских садов» [47].*

*«**Можно подумать** и о распространении полномочий Конституционного Суда оценивать на соответствие Конституции не только законы, но и иные нормативно-правовые акты органов государственной власти как федерального, так и регионального уровня» [46].*

*«Так называемыми мусорными проблемами не занимались, **может быть**, сто лет» [47].*

2.1.2.4 Снятие ответственности за достоверность информации

В своей речи В.В. Путин предпочитает называть конкретные числа, чтобы звучать более убедительно, редко ссылается на источник. В Посланиях Федеральному Собранию такие лексические средства, как «согласно» и «по

оценкам», встретились всего 6 раз (3,2%). В данных примерах В.В. Путин старается придать обещаниям менее категоричный характер.

«По оценкам, к середине десятилетия каждый второй учёный России будет моложе 40 лет» [46].

«По оценкам, уже летом часть Фонда национального благосостояния, размещённая в валюте, преодолеет отметку в 7 процентов ВВП» [46].

Таким образом, мы можем представить использование средств выражения некатегоричности в послании В.В. Путина в виде таблицы (табл. 2.2). Наиболее частотными средствами вербализации плана некатегоричности в речи главы Российской Федерации являются средства выражения субъективной оценки и соблюдения принципа вежливости и правил речевого этикета. Исходя из количественного распределения, можно сказать, что данные типы представляют собой 42% и 40% от всех средств вербализации плана некатегоричности.

Ежегодные послания Президента Федеральному Собранию – это заранее подготовленное, написанное выступление, которое зачитывается главой государства. Однако, как уже говорилось ранее, в этих посланиях Президент выдвигает «свои» предложения на рассмотрение и, чтобы речь не звучало слишком категорично, императивно, разбавляет соответствующими средствами. Помимо этого, в посланиях подводятся итоги об уже проделанной работе, здесь В.В. Путин может отходить от подготовленного текста и комментировать их в ходе выступления. Этим объясняется большое количество лексических и лексико-синтаксических средств: глаголы оценки и умственной деятельности, вводные конструкции с семантикой субъективной оценки.

Использование этикетных формул в речи, во-первых, смягчает категоричность, особенно в случаях, когда В.В. Путин выражает недовольство результатами работы, например, «Уважаемые главы субъектов Федерации, дорогие мои коллеги, нельзя так работать. Ну вы чего?» [46].

Таблица 2.2 – Средства вербализации некатегоричности в политическом дискурсе В.В. Путина

Уровень языка	Вероятностное знание	Принцип вежливости		Субъективная оценка	Снятие ответственности	Всего
Морфологический уровень	-	Сослагательное наклонение «хотеть»	Побуждение к совместной деятельности с помощью глагола «давайте»	-	-	-
	-					
Лексический уровень	Аппроксиматоры: «почти», «практически», «примерно»	Модальный глагол с семантикой вероятности	Этикетная формула просьбы с глаголом «просить»	Глаголы оценки и умственной деятельности: «думать», «считать», «предлагать»:	Указание на источник с помощью слов: «по оценкам», «согласно»	-
	18					
Синтаксический уровень	Вводная конструкция «может быть»	Этикетная формула «Уважаемые коллеги»	Вводные конструкции с семантикой субъективной оценки	-	-	-
Всего	29	76	79	6	190	

Во-вторых, используя обращение «коллеги», глава государства указывает на равное положение, на то, что он – демократический лидер, его управление основано на принципе коллегиальности, на принципе разделения

ответственности. Здесь проявляется сдвиг культурных ценностей: от авторитарной культуры к эгалитарной. Отметим, что этикетные формулы вежливости необходимы не только для проявления уважения и смягчения категоричности, на наш взгляд, этикетные формулы также выполняют акцентирующую функцию. Можно сказать, что этикетные формулы – это некатегоричный эквивалент таким средствам, как повторы, конструкции подчёркивания, акцентирования, т.к. на этих моментах В.В. Путин делает небольшие остановки, тем самым выделяя важную информацию.

В первой главе данной работы мы говорили о том, что в речи представителя русской лингвокультурной общности преобладает категоричность высказываний, им свойственны такие характеристики, как уверенность, навязывание мнения/воли, эмоциональность и оценочность суждений. Действительно, исходя из нашего анализа, В.В. Путин в своей речи намного чаще использует категоричные высказывания, чем некатегоричные (564 и 190), и все три выделенные прагмасемантические типы широко представлены в речи Президента.

Во-первых, это, конечно, связано с типом культуры, к которому принадлежит В.В. Путин. Несмотря на некоторый сдвиг к эгалитарному типу, русская культура относится к авторитарному, высококонтекстуальному типу, которому свойственно прямое выражение приказов, эмоциональность.

Во-вторых, статус Президента и его должностные обязанности, возможно, обуславливают стиль речи, она более официальная, здесь действуют определенные нормы протокола. К тому же, В.В. Путин является главой РФ уже долгие годы, к нему повышенный уровень доверия, поэтому он может позволить себе быть категоричным.

2.2 Вербализация категоричности/некатегоричности в политическом дискурсе Бориса Джонсона

2.2.1 Средства вербализации категоричности

В данном разделе нам необходимо представить систему средств вербализации категоричности в англоязычном дискурсе Бориса Джонсона в соответствии с выделенными прагмасемантическими типами: 1) выражение высокой степени уверенности, убежденности в правоте; 2) навязывание своей воли/мнения (императивность, импозитивность); 3) эмоционально-оценочный тип. В политическом дискурсе премьер-министра Великобритании нами было выявлено всего 454 маркера категоричности.

2.1.1.1 Эмоционально-оценочный прагмасемантический тип

На данную группу приходится 219 маркеров категоричности или 48%. Наиболее частотным средством выражения эмоциональности и оценочности в речи Б. Джонсона является использование наречий с семантикой усиления значения «very», «too», «so», «only», «far», «even», «at all» (75/16,5%).

*«We reduced knife crime in London with a **very** active policy of stop and search» [51].*

*«And frankly it is not a moment **too** soon because the argument for this fundamental liberty is now not being made» [49].*

*«They are **only** possible because it was this Conservative government that tackled the debt and the deficit left by the last Labour government» [52].*

*«The same applies **even** more emphatically to social policy – and here again I dispel the absurd caricature of Britain as a nation bent on the slash and burn of workers' rights and environmental protection» [49].*

*«Delay is **so** pointless and expensive» [52].*

*«It is not an outcome we seek **at all**» [52].*

Другими лексическими средствами выражения эмоционально-оценочного типа являются отрицательные местоимения и наречия, наречия времени и

обобщающие местоимения («never», «always», «every», «whole», «no» и «any» и их производные) (50/11%).

*«They have **every** reason to want to compromise, and that is what we will seek – a compromise» [51].*

*«Because it will help our national programme to unite and level up and bring together our **whole** United Kingdom» [49].*

*«It is that, under **any** circumstances, in the next few years it will be necessary for the UK to extricate itself from the customs union and the regulatory orbit of Brussels» [51].*

*«We do extraordinary things as I **never** tire of telling you» [49].*

*«Under **no** circumstances will we agree to **any** free trade deal that puts the NHS on the table» [51].*

Экспрессивность высказыванию в данном примере добавляет также такое средство, как инверсия.

В меньшей степени Борис Джонсон в своей речи использует устойчивые словосочетания «above all», «time and again», «know full well» (9/1,9%) и усиление с помощью глагола «do» (3/0,7%).

*«...and **above all** – with safe streets and affordable housing and fantastic wifi – we give business the confidence to invest and to grow» [52].*

*«These people pretend to be democrats, yet their plan is to quash the will of the people **time and time and time again**» [51].*

*«Both main parties in this House of Commons **know full well** the haemorrhage of support that we face if we continue to refuse to honour the mandate of the people» [51].*

*«We know the difficulties that can be caused and I **do** think – I will answer directly – that we need to look at our arrangements for people who have lived and worked here for a long time, unable to enter the economy and to participate properly or pay taxes, without documents» [51].*

*«We have a deal – we've done it and yes it **did** turn out as I prophesized to be oven ready» [49].*

На морфологическом уровне эмоционально-оценочный тип выражается с помощью сравнительной и превосходной степеней прилагательных и наречий (55/12,1%), например:

*«Our mission is to deliver Brexit on 31 October for the purpose of uniting and re-energising our great United Kingdom and making this country **the greatest** place on earth» [51].*

*«I have to say that **a most** extraordinary thing has just happened today» [51].*

Интересно уточнить, что в последнем примере вместо привычного артикля «the» используется артикль «a». В таком случае конструкция «a most + прилагательное» скорее приравнивается к конструкции «a very + прилагательное», используется значительно реже и считается несколько устаревшей.

На синтаксическом уровне эмоциональность и оценочность речи выражается с помощью повторов (20/4,4%), среди которых встречаются синтаксический параллелизм, анафоры, эпитеты.

*«We are going to prove the doubters wrong again, not just with positive thinking and a can-do attitude, important though they are, but with the help and the encouragement of a Government and a Cabinet who are bursting with ideas, ready to create change and determined to implement the policies we need to succeed as a nation: **the greatest place** to live, **the greatest place** to bring up a family, **the greatest place** to send your kids to school, **the greatest place** to set up a business or to invest, because we have the best transport and the cleanest environment and the best healthcare and the most compassionate approach to care of elderly people» [51].*

*«**That is what** I stand for. **That is what** I believe in. **That is what** the whole Government will deliver» [51].*

«*What people want, what leavers want, what remainers want, what the whole world wants – is to be calmly and sensibly done with the subject, and to move on*» [52].

2.1.1.2 Высокая степень уверенности, убежденности в правоте

Данный тип представлен 194 маркерами, что составляет 43%. Вербализация высокой степени уверенности, убежденности в правоте в речи Бориса Джонсона на лексическом уровне происходит с помощью слов, выражающих уверенность говорящего и категоричную достоверность: 1) наречия с семантикой уверенности, несомненности (91/20%) «*certainly*», «*indeed*», «*truly*» и др., 2) глаголы с семантикой уверенности (14/3,1%) «*to know*», «*to bet*», «*to claim*»; 3) утверждение «*yes*» (7/1,5%); 4) прилагательное с семантикой уверенности, несомненности «*absolute*» (6/1,3%).

«*The Gentleman is **completely** wrong in his analysis and his defeatism and pessimism about our wonderful United Kingdom, which he seeks to break up*» [51].

«*I will **indeed** commit to that approach, because that is the right way forward*» [51].

«*I **bet** she didn't know that!*» [51].

«*I **know** that we can turn this opportunity into a stunning success and whatever the bumps in the road ahead*» [48].

«*And **yes** this is a compromise by the UK*» [52].

«*I want to end by making clear my **absolute** commitment to the 31 October date for our exit*» [51].

На синтаксическом уровне уверенность в речи Бориса Джонсона вербализуется с помощью разнообразных вводных конструкций (65/14,3%), например:

«*It goes without saying that **of course** the NHS is not on the table and no we will not accept any diminution in food hygiene or animal welfare standards*» [49].

«*That is why there will be a big public information campaign, and **I am sure** she will want to join in advertising the benefits of that campaign*» [51].

«I do not for one moment doubt the patriotism of people on all sides of this Brexit argument but I am fed up with being told that our country can't do something» [52].

«I am convinced that we can produce a system that the British people can have confidence in» [51].

«No one believes more strongly than I do in the benefits of migration to our country, but I am clear that our immigration system must change» [51].

Другое синтаксическое средство вербализации уверенности – вопросная или вопросно-ответная форма изложения (3/0,7%).

«I take no criticism of my election from the party whose leader, Nicola Sturgeon, replaced Alex Salmond without a vote, as far as I know. Did she not?» [51].

«Did anybody notice? Did anybody notice the terrible metamorphosis that took place, like the final scene of «Invasion of the Bodysnatchers»?» [51].

«Why begin by assuming that our EU friends will not wish to compromise? They have every reason to want to compromise, and that is what we will seek – a compromise» [51].

«Will we accuse them of dumping? Of course not. Or wanting to dump? Of course not» [49].

Используя данное средство, Борис Джонсон преследует несколько целей: 1) акцентировать внимание на особо важной информации; 2) сформировать вопрос за публику с целью дать самому ответ, чтобы слушатели приняли его как единственно правильный.

Далее нами было выявлено такое морфологическое средство, как использование будущего совершенного времени.

*«The answer was contained in my statement. She **will have heard** it, along with the House» [51].*

*«The Gentleman **will have noticed** that in my opening statement I mentioned electric planes» [51].*

В данных примерах выражается высокая степень уверенности в том, что указываемое действие или событие уже произошло. В последующих примерах выражается уверенность в том, что это обязательно случится.

*«Our kingdom – thanks, by the way, to the initiative of the previous Prime Minister – will no longer make any contribution whatsoever to the destruction of our precious planet, brought about by carbon emissions, because we **will have led** the world in delivering that net-zero target» [51].*

*«By unleashing the productive power of the whole United Kingdom—not just of London and the south-east, but of every corner of England, Scotland, Wales and Northern Ireland – we **will have closed** forever the productivity gap and seen to it that no town is left behind ever again and no community ever forgotten» [51].*

2.1.1.3 Навязывание собственной воли/мнения (императивность/импозитивность)

В данной группе выявлено 41 маркер или 9%. Наиболее частотным способом выражения императивности в речи Бориса Джонсона является использование модальных глаголов (28/6,2%) с семантикой необходимости, обязанности, долженствования, которые входят в состав сказуемого: «**must**», «**have to**», «**need to**»:

*«Not only that, we **must** do much more to ensure that police in rural areas get out to victims of crime in a timely and efficient way» [51].*

*«I will work flat out to make it happen, but certain things **need to** be clear» [51].*

*«If it does not, we will of course **have to** leave the EU without an agreement under article 50» [51].*

На морфологическом уровне императивность выражается с помощью повелительного наклонения (7):

*«We are not leaving the EU to undermine European standards, we will not engage in any kind of dumping whether commercial, or social, or environmental, and **don't just listen** to what I say or what we say, **look** at what we do» [49].*

*«We will get going with our friends in America and I share the optimism of Donald Trump and I say to all the naïve and juvenile anti-Americans in this country if there are any, I say **grow up** – and **get a grip**» [49].*

Навязывание своей воли/мнения премьер-министр Великобритании осуществляет также с помощью различных импозитивных конструкций с глаголами «to urge», «to tell», «to believe» (6/1,3%):

*«**Believe me** that when a young man is going equipped with a bladed weapon there is nothing kinder or more loving or more life-saving you can do than ask him to turn out his pockets» [52].*

*«**I tell you** we will not go wrong» [52].*

*«As we work together with the EU as friends and sovereign equals in tackling climate change and terrorism in building academic and scientific cooperation, redoubling our trading relationship, **I frankly urge everyone** on either side of what – after three and a half years, after all – an increasingly arid argument, **I urge everyone** to find closure and to let the healing begin» [50].*

Таким образом, мы можем представить использование средств выражения плана категоричного высказывания в дискурсе Бориса Джонсона в виде таблицы (табл. 2.3).

Основываясь на количественных данных таблицы, наиболее широко в речи премьер-министра Великобритании представлен эмоционально-оценочный тип. Необходимо подчеркнуть, что данный прагмасемантический тип представлен большим разнообразием языковых, особенно лексических, средств: морфологическими (58/12,8%), лексическими (141/31,1%) и синтаксическими (20/4,4%). Количественные данные подтверждают эмоциональность и оценочность речи: 219 случаев использования маркеров

Таблица 2.3 – Средства вербализации категоричности в политическом дискурсе Б. Джонсона

Уровень языка	Императивность	Эмоционально-оценочный тип		Уверенность		Импозитивность	Всего			
		Повелительное наклонение	Сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий	Использование вспомогательно го глагола do для усиления	Будущее совершенное время					
Морфологический уровень	Повелительное наклонение	Сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий		Использование вспомогательно го глагола do для усиления		–	–			
	7	55		3		–	69			
Лексический уровень	Модальный глагол долженствования	Устойчивые сочетания	Наречие с семантикой усиления значения	Отрицательные и обобщающие местоимения и наречия, наречия времени	Глаголы с семантикой уверенности	Утверждение «yes»	Наречия с семантикой уверенности, несомненности	Прилагательные с семантикой уверенности, несомненности	–	–
Синтаксический уровень	–	Повтор	–	–	Вводная конструкция с семантикой уверенности	–	Вопросно-ответная формула	–	–	–
Всего	35	219		194		6	454			

данного типа из 454 выявленных маркеров категоричности всего, т.е. 48% от общего числа (табл. 2.3).

Несколько в меньшей степени в речи Бориса Джонсона представлены средства вербализации высокой степени уверенности – 194 случая или 43% от общего числа. При этом данный тип также представлен различными языковыми средствами, в основном выделяются наречия с семантикой уверенности, несомненности (94/20,7%) и вводные конструкции (65/14,3%).

Борис Джонсон использует повелительное наклонение несколько в большем количестве, чем В.В. Путин, однако навязывание собственного мнения/воли, как и ожидалось, несвойственно английской лингвокультуре: 9% от общего числа маркеров категоричности. Данный тип представлен модальными глаголами долженствования, маркерами повелительного наклонения и вводными конструкциями с семантикой импозитивности.

2.2.2 Средства вербализации некатегоричности

В данном разделе нам необходимо представить систему средств вербализации некатегоричности в англоязычном дискурсе Бориса Джонсона в соответствии с выделенными прагмасемантическими типами: 1) субъективная оценки говорящего; 2) вероятностное знание; 3) принцип вежливости и правила речевого этикета; 4) снижение ответственности за достоверность передаваемой информации.

В политическом дискурсе Бориса Джонсона нами было выявлено всего 342 маркера некатегоричности.

2.2.2.1 Принцип вежливости и правила речевого этикета

В данной группе выявлено 168 маркеров, что составляет 49%. Наиболее частотным средством снижения категоричности в дискурсе Премьер-министра Великобритании является употребление этикетных формул (144/42,1%). Высокая частота использования, во-первых, обусловлена спецификой заседания Палаты Общин. По традиции Члены Палаты общин при ссылке друг на друга используют обращения *The Right Honourable*. Борис

Джонсон использует этикетные формулы The Right Honourable Friend (Lady, Gentleman), иногда трансформируя их в «my honourable friend».

*«I thank **my hon. Friend** for his campaign for safer streets in his constituency, and I was proud to work with him in London when we reduced serious youth violence by 32%» [51].*

*«**The right hon. Gentleman** would not only put up taxes on inheritance, pensions and corporations; he would put up taxes on income to 50p in the pound» [51].*

Во-вторых, Борис Джонсон, обращаясь к гражданам Великобритании или говоря о коллегах из Европейских стран или Америки, называет их «my friends» или «our European friends».

*«They are the sceptics and doubters, **my friends**» [51].*

*«If **our friends** will see their way around to doing that, I believe we would be well on our way to solving the problems» [51].*

Следующее средство соблюдения принципа вежливости и правил речевого этикета – это побуждение к совместной деятельности с помощью глагола «let». В рассматриваемом дискурсе Премьер-министра Великобритании данное средство встречается 15 раз (4,4%), по большей части за счет призыва выйти из Европейского союза:

*«**Let's** get Brexit done» [52].*

*«**Let's** get on with sensible moderate one nation but tax-cutting Tory government and figuratively if not literally **let us** send Jeremy Corbyn into orbit where he belongs» [52].*

Во втором примере Борис Джонсон использует форму «let us» как средство дискредитации своего противника – лидера Лейбористской партии.

Следующая формула также содержит глагол «let» – спросить позволение (4/1,2%).

*«**Let me** ask you a question, see if you've been paying attention to this speech the New Zealanders sell huge and growing quantities of lamb to China, as indeed they do to America. **Let me** ask you which is closer to Beijing?» [49].*

*«But **let me** tell you this conference it is an outcome for which we are ready»*
[52].

*«As a first step – **let me** put it that way – we need to get rid of the backstop»* [51].

Наиболее интересным средством соблюдения принципа вежливости, на наш взгляд, являются конструкции, которые представляют собой understatement. В рассматриваемом дискурсе Бориса Джонсона нам удалось выделить пять случаев использования. Напомним, что мы не выделяли отдельно маркеры understatement, все они принадлежат к полюсу некатегоричности.

«I am afraid what the hon. Lady says is absolutely diametrically the opposite of the truth, because income inequality has in fact declined since 2010» [51].

«I struggled to discover a serious question in that» [51].

«I struggle to find a point in the hon. Gentleman's question» [51].

«I struggled to see the country in the right hon. Gentleman's description of the United Kingdom today» [51].

Помимо того, что премьер-министр Великобритании использует знакомые этикетные формулы, официальные обращения, он формулирует предложения так, чтобы в уважительной форме дать понять собеседнику, что тот совершенно неправ или что вопрос (утверждение) неуместный или глупый. В первом примере Борис Джонсон использует маркеры категоричности, интенсификаторы, которые в данном случае служат обратной цели, т.к. он не говорит прямо, что уважаемая дама права.

В меньшей степени Борис Джонсон употребляет такое лексическое средство, как наречие «respectfully» (4/1,2%).

*«I **respectfully** say to him, and indeed to all hon. and right hon. Members, that it is now our collective responsibility to get this done»* [51].

*«My right hon. Friend and I go back a long way and she and I agree on many things, but on this I must, I am afraid, **respectfully** disagree»* [51].

2.2.2.2 Субъективная оценка или мнение

В данной группе выявлено 92 маркера, что составляет 27%. На лексическом уровне средства выражения субъективного мнения составляют глаголы оценки и умственной деятельности «to believe», «to hope», «to suggest», «to think» (77/22,5%).

*«But I **think** the House would agree that it is also incumbent on us to look after the rights of the people who have lived, worked, dwelt among us and made their lives here, and that is what we are doing» [51].*

*«I **believe** that in this fantastic capital city of Europe and of the world, stamp duty is choking the market at the moment» [51].*

*«I **hope** that the EU will be equally ready and will rethink its current refusal to make any changes to the withdrawal agreement» [51].*

*«I **suggest** it is high time that this House again tried to work across parties to find a cross-party consensus about the way forward» [51].*

Выражая собственное мнение, Борис Джонсон часто (11) использует вводные конструкции, как «I am afraid», «in my view», «as far as I know».

*«Free trade is being choked and that is no fault of the people, that's no fault of individual consumers, I **am afraid** it is the politicians who are failing to lead» [49].*

*«And it was a critical moment **in my view** that helped to lead to almost two decades of global growth and confidence» [49].*

*«There is, **as far as I know**, no impact in Sunderland yet, but I draw the hon. Lady's attention again to the massive investments that are none the less happening in our country, including in Oxford and Birmingham, with world-beating companies investing in British technology» [51].*

2.2.2.3 Вероятностное знание

Данный тип представлен 82 маркерами, что составляет 24% от общего числа маркеров некатегоричности. Вероятностное знание в речи Бориса Джонсона выражается следующими лексическими средствами: 1) модальные глаголы с семантикой возможности, вероятности «may», «might», «can»,

«would», «should» (71); 2) наречия с семантикой неопределенности «perhaps», «possibly» (6); 3) аппроксиматоры «almost», «virtually», «hardly» (4).

*«I look forward to further conversations with him about ways that we **may** encourage that investment» [51].*

*«You **might** know that I have kept the ace up my sleeve – my mother voted leave» [52].*

*«Then I hope that we **can** have a friendly and constructive relationship, as constitutional equals and as friend and partners in facing the challenges that lie ahead» [51].*

*«I **should** point out that the people of this country have voted in 2015, 2016 and 2017, and what they want to see is this Parliament delivering on the mandate that they gave us» [51].*

*«I **would** prefer us to leave the EU with a deal» [51].*

*«I think that **possibly** the reason why I seem to get a good reception in Scotland» [51].*

*«And it was a critical moment in my view that helped to lead to **almost** two decades of global growth and confidence» [49].*

2.1.2.4 Снятие ответственности за достоверность информации

В рассмотренном дискурсе Борис Джонсон не использует средства снятия ответственности за предоставляемую информацию.

Таким образом, мы можем представить использование средств выражения некатегоричности в дискурсе Бориса Джонсона в виде таблицы (табл. 2.4). Наиболее частотными средствами вербализации плана некатегоричности в речи Бориса Джонсона являются средства выражения принципа вежливости и правил речевого этикета. Исходя из количественного распределения, средства вербализации данного прагмасемантического типа представляют собой 49% от всех средств вербализации плана некатегоричности.

Таблица 2.4 – Средства вербализации некатегоричности в политическом дискурсе Б. Джонсона

Уровень языка	Вероятностное знание				Принцип вежливости		Субъективная оценка	Всего	
Морфологический уровень	-				Этикетная формула «let me»	к с Побуждение совместной деятельности помощью глагола «let»	-	-	
	-				4	15	-	19	
Лексический уровень	Аппроксиматоры	Модальный глагол с семантикой возможности, вероятности, желательности	Наречие с семантикой неопределенности	Прилагательные вероятности	Наречие вежливости		Глаголы оценки и умственной деятельности	Устойчивые сочетания некатегоричности	-
	4	71	6	1	4		77	4	167
Лексико-синтаксический уровень	-				Этикетная формула		Вводные конструкции с семантикой субъективной оценки	-	-
	-				140		11		151
Синтаксический уровень	-				Конструкция understatement		-	-	-
	-				5		-		5
Всего	82				168		92		342

Этот тип по большей части представлен этикетными формулами (140). Использование данного маркера является наиболее частотным средством выражения не только типа «вежливость», но и плана некатегоричности в целом, что составляет 41% от общего числа маркеров некатегоричности. Высокая частота использования различных этикетных формул, во-первых, обусловлена особенностями менталитета англичан (неимпозитивность, вежливость, сохранение репутации), а, во-вторых, обусловлена спецификой взаимоотношений членов Палаты Общин, в ходе которого было первое выступление Бориса Джонсона в качестве премьер-министра Великобритании.

Количественное распределение средств вербализации вероятностного знания и субъективной оценки составляет соответственно 24% и 27%. Эти прагмасемантические типы представлены различными лексическими и лексико-синтаксическими маркерами. Основными средствами выражения вероятностного знания являются модальные глаголы с семантикой возможности, вероятности, желательности (71/20,8%), а субъективной оценки – глаголы оценки и умственной деятельности (77/22,5%) и вводные конструкции (11/3,2%).

В результате анализа дискурса премьер-министра Великобритании мы выяснили, что количество маркеров категоричности превышает количество маркеров некатегоричности. В дискурсе представлено 342 маркера некатегоричности и 454 маркера категоричности.

Среди средств вербализации плана некатегоричности в речи Бориса Джонсона выделяются средства соблюдения принципа вежливости и правил речевого этикета – этикетные формулы. В отличие от плана категоричности, в количестве средств вербализации некатегоричности большого разрыва по прагмасемантическим типам не наблюдается.

Наиболее широко в речи премьер-министра Великобритании в плане категоричности представлены эмоционально-оценочный тип и выражение

высокой степени уверенности в правоте. Можно сказать, что это противоречит данным ранее проведенных исследованиях, согласно которым английской лингвокультуре несвойственна категоричность: эмоциональность/оценочность, высокая уверенность. Однако ранние исследования категории категоричности/некатегоричности проводились в основном на материалах других видов дискурса: художественный, научный, бытовой и др. Политический дискурс имеет свои особенности и специфические черты: эмоциональность, явная оценочность, стремление убедить собеседника, которые нашли свое отражение в средствах вербализации категории категоричности/некатегоричности.

2.3 Вербализация категоричности/некатегоричности в политическом дискурсе Дональда Трампа

2.3.1 Средства вербализации категоричности

В данном разделе нам необходимо представить систему средств вербализации категоричности в англоязычном дискурсе Дональда Трампа в соответствии с выделенными прагмасемантическими типами: 1) выражение высокой степени уверенности, убежденности в правоте; 2) навязывание своей воли/мнения (императивность, импозитивность); 3) эмоционально-оценочный тип. В политическом дискурсе Президента США нами было выявлено всего 525 маркера категоричности.

2.3.1.1 Эмоционально-оценочный тип

Данный тип представлен 391 маркером, что составляет 74,5%. Наиболее частотным средством выражения эмоциональности и оценочности в речи Дональда Трампа является использование такого морфологического средства, как сравнительная и превосходная степень прилагательных и наречий. В анализируемых выступлениях мы выявили 119 случаев (22,6) использования президентом США данного маркера, что делает его наиболее распространенным средством выражения не только эмоционально-оценочного типа, но и плана категоричности в целом.

*«Many of America's **closest** friends today were once our **gravest** foes» [56].*

*«Our country now has **the hottest** economy anywhere in the world» [55].*

*«The border city of El Paso, Texas, used to have extremely high rates of violent crime — one of **the highest** in the country, and considered one of our nation's **most dangerous** cities» [54].*

*«Together, we represent **the most extraordinary** nation in all of history» [54].*

Несколько менее часто (95/18,1%) Дональд Трамп использует наречия времени, обобщающие местоимения и отрицательные местоимения и наречия («never», «always», «every», «all», «no» и «any» и их производные).

*«Today, I repeat a message for the world that I have delivered at home: America will **never** be a socialist country» [54].*

*«So long as I am President I will **always** protect your Second Amendment right to keep and bear arms» [53].*

Наречия времени «never» и «always» Дональд Трамп использует в предложениях будущего времени, т.е. в связке с модальным глаголом «will», который сам по себе уже выражает уверенность или план, а данные наречия добавляют экспрессивность обещаниям президента США и повышают категоричность высказывания.

*«We are advancing with unbridled optimism and lifting high our citizens of **every** race, color, religion, and creed» [53].*

*«It just suffered, this **whole** region, with great people, the greatest people, and you suffered» [55].*

*«... **all** Americans are hurt by uncontrolled illegal migration» [57].*

*«...Americans can do **anything**, go **anywhere**, and outperform **anyone**. **Nobody** can beat us. **Nothing** can stop us, because winning is what Americans do» [55].*

Отметим, что в данном примере присутствует другое средство – повтор синтаксической конструкции, или синтаксический параллелизм, которое будет рассмотрено далее.

Следующий лексическое средство вербализации эмоционально-оценочного типа – наречия с семантикой усиления значения: «very», «only», «even», «too», «far», «so». Такие маркеры в выступлениях Дональда Трампа встречаются 87 раз (16,6%).

*«We eliminated the **very** unpopular Obamacare individual mandate penalty and to give critically-ill patients access to life-saving cures, we passed **very** importantly, right to try» [54].*

*«The **only** thing that is immoral is the politicians to do nothing and continue to allow more innocent people to be **so** horribly victimized» [57].*

*«For years, these abuses were tolerated, ignored, or **even** encouraged» [56].*

*«We can help them make it **very** good in a short period of time, but they are **too** proud or **too** foolish to ask for that help» [53].*

Ведущую роль в речи президента США занимают, на наш взгляд, различные повторы (59/11,2%), в том числе анафорические и эпифорические повторы, повтор синтаксической конструкции.

*«My administration has acted decisively to confront the world's leading state sponsor of terror — the **radical regime** in Iran. It is a **radical regime**. They do **bad, bad things**» [54].*

*«I said that with African Americans, they had **the worst** crime rates, **the worst** education, **the worst** everything» [55].*

«Liberty is only preserved, sovereignty is only secured, democracy is only sustained, greatness is only realized, by the will and devotion of patriots» [56].

*«**We** do the incredible. **We** defy the impossible. **We** conquer the unknown» [54].*

*«**America is the place where** anything can happen. **America is the place where** anyone can rise» [53].*

С помощью повторов Дональд Трамп подчеркивает важность сказанного, акцентирует внимание слушателей и усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию.

В исследовании мы выделили такие прилагательные подчеркивания и усиления, которые в речи Дональд Трамп используются наиболее часто (30/5,7%): «tremendous», «extraordinary», «countless», «incredible», т.к. они сообщают высказыванию повышенную экспрессивность.

«*This will be a **tremendous** boon to our already very-strongly guarded southern border where, as we speak, a long, tall, and very powerful wall is being built*» [53].

«*War places a heavy burden on our Nation's **extraordinary** military families*» [53].

«*Year after year, **countless** Americans are murdered by criminal illegal aliens*» [54].

«*We have made **incredible** strides*» [54].

2.3.1.2 Высокая степень уверенности, убежденности в правоте

Данный тип представлен 73 маркерами, что составляет 13,9%. На лексическом уровне данный прагмасемантический тип чаще всего выражается путем использования наречий с семантикой уверенности, несомненности «absolutely», «actually», «completely», «really», «totally», «truly», «indeed», «exactly», «certainly». Данный маркер встречается в текстах выступлений 58 раз (11%).

«*This barrier is **absolutely** critical to border security*» [57].

«*Tolerance for illegal immigration is not compassionate, it is **actually** very cruel*» [54].

«*Hard to believe, but 80 percent of the world's population lives in countries where religious liberty is in significant danger or even **completely** outlawed*» [56].

«*We **really** have no choice*» [54].

«*This is what is happening in California and other States – their systems are **totally** out of control, costing taxpayers vast and unaffordable amounts of money*» [53].

«*Under my administration, we're fighting back, and we're winning because we are **truly** and finally putting America first*» [55].

*«Events in Venezuela remind us all that socialism and communism are not about justice, they are not about equality, they are not about lifting up the poor, and they are **certainly** not about the good of the nation. Socialism and communism are about one thing only: power for the ruling class» [56].*

Менее часто Дональд Трамп использует в своей речи глаголы с семантикой уверенности (6/1,1%), среди них глаголы «to know», «to predict», «to promise», «to say».

*«Well, right now our employment has reached the lowest level that it's seen since the 1960s and we'll soon be breaking that record, **I predict**» [55].*

*«As we pray for all who are sick, we **know** that America is constantly achieving new medical breakthroughs» [54].*

*«Wages are rising at the fastest pace in decades and growing for blue-collar workers, who **I promise** to fight for» [54].*

*«And for all these reasons, I **say** to the people of our great country, and to the Members of Congress before me: The State of our Union is stronger than ever before» [53].*

Отдельно можно выделить использование прилагательных с семантикой уверенности «absolute», «exact», «right» (4/0,8%).

*«And everyday patriots who make this all possible, you are the backbone of America, the **absolute** backbone, and you haven't been given the honor of having that said by other people» [55].*

*«It is unacceptable that Americans pay vastly more than people in other countries for the **exact** same drugs, often made in the **exact** same place» [54].*

*«Over the years, thousands of Americans have been brutally killed by those who illegally entered our country and thousands more lives will be lost if we don't act **right now**» [57].*

На синтаксическом уровне в речи Дональда Трампа можно выделить немногочисленные (4/0,8%) вводные конструкции «of course», «in fact».

*«These are the resources they have requested to properly perform their mission and keep America safe. **In fact, safer than ever before**» [57].*

*«Each of you has the absolute right to protect your borders, and so, **of course, does our country**» [57].*

В речи Президента США мы также выявили единичный случай использования будущего совершенного времени.

*«Iran's leaders **will have turned** a proud nation into just another cautionary tale of what happens when a ruling class abandons its people and embarks on a crusade for personal power and riches» [56].*

2.3.1.3 Навязывание собственной воли/мнения (императивность/импозитивность)

В данной группе выявлен 61 маркер, что составляет 11,6% от общего числа маркеров категоричности. Императивность в речи Дональда Трампа чаще всего выражается лексически с помощью модальных глаголов долженствования «must», «have to» (40/7,6%).

*«The Iranian regime **must** abandon its pursuit of nuclear weapons, stop spreading terror, death, and destruction, and start working for the good of its own people» [53].*

*«We **must** create a new standard of living for the 21st century» [54].*

*«We **have to** work with them, but nobody ever wants to work with the United States» [55].*

*«I want people to come into our country in the largest numbers ever, but they **have to** come in legally» [54].*

Следующее средство выражения императивности – это использование повелительного наклонения. В речи Дональда Трампа данное морфологическое средство встречается 12 раз (2,3%), таким образом президент США пытается призвать нацию и/или членов Конгресса к каким-либо действиям.

*«And if they don't **vote them the hell out** of office because they're not doing their job, it's true. **Vote them out of office**» [55].*

В данном примере Дональд Трамп не только использует повелительное наклонение, но и усиливает его с помощью повтора «vote them out of office» и инвективной лексики «hell».

*«If you want freedom, **take** pride in your country. If you want democracy, **hold on to your sovereignty**. And if you want peace, **love** your nation» [56].*

Необходимо отметить, что следующий пример – единственный случай использования Дональдом Трампом повелительного наклонения по отношению к Конгрессу.

*«To every member of Congress: **pass** a bill that ends this crisis. To every citizen, **call** Congress, and **tell** them to finally, after all of these decades, secure our border» [57].*

Импозитивные конструкции (9/1,7%) в речи Дональда Трампа выстраиваются с помощью глаголов «to urge» и «to call».

*«We **urge** every nation present to do the same» [56].*

*«And I sent the Congress a plan with a vision to further expand access to high-quality childcare and **urge** you to act immediately» [53].*

*«That is also why I **am calling** upon the Members of Congress here tonight to pass legislation finally banning the late-term abortion of babies» [53].*

*«Now, I **call** on the Congress to pass the bipartisan Advancing Support for Working Families Act, extending family leave to mothers and fathers all across the Nation» [53].*

Таким образом, мы можем представить использование средств выражения категоричности в дискурсе Дональда Трампа в виде таблицы (табл. 2.5). Наиболее частотными средствами выражения плана категоричности в политическом дискурсе Дональда Трампа являются маркеры эмоциональности и оценочности.

Таблица 2.5 – Средства вербализации категоричности в политическом дискурсе Д. Трампа

Уровень языка	Императивность	Эмоционально-оценочный тип			Уверенность			Импозитивность	Всего
Морфологический уровень	Повелительное наклонение	Сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий		Использование вспомогательного глагола do для усиления	Будущее совершенное время			-	-
	12	119		1	1			-	133
Лексический уровень	Модальный глагол долженствования	Наречие с семантикой усиления значения	Прилагательное подчеркивание, усиления	Отрицательные и обобщающие местоимения и наречия	Глаголы с семантикой уверенности	Наречия с семантикой уверенности, несомненности	Прилагательные с семантикой уверенности, несомненности	-	-
	40	87	30	95	6	58	4	-	320
Синтаксический уровень	-	Повтор			Вводная конструкция с семантикой уверенности			Вводные конструкции с семантикой импозитивности	-
	-	59			4			9	72
Всего	52	391			73			9	525

При этом данные маркеры широко представлены на всех трех уровнях языка: на морфологическом уровне – 120 (23%) маркеров, на лексическом – 212 (40,4%), на синтаксическом – 59 (11%). Эмоциональность и оценочность как прагмасемантический тип категоричности составляют почти 74,5% всех категоричных высказываний.

Количественное распределение средств вербализации высокой степени уверенности в правоте и навязывания собственного мнения/воли (императивность, импозитивность) составляет соответственно 13,9% и 11,6% от общего числа маркеров категоричности. Данные средства вербализации шире представлены на лексическом уровне.

2.3.2 Средства вербализации некатегоричности

В данном разделе нам необходимо представить систему средств вербализации некатегоричности в англоязычном дискурсе Дональда Трампа в соответствии с выделенными прагмасемантическими типами: 1) субъективная оценки говорящего; 2) вероятностное знание; 3) принцип вежливости и правила речевого этикета; 4) снижение ответственности за достоверность передаваемой информации. В политическом дискурсе Дональда Трампа нами было выявлено 156 маркеров некатегоричности.

2.3.2.1 Вероятностное знание

Данный прагмасемантический тип некатегоричности в речи президента США выражается средствами лексического уровня, выявлено 92 маркера, что составляет 59% от общего числа маркеров некатегоричности. Наиболее частотными (40/25,6%) является использование модальных глаголов в семантике возможности, желательности осуществления деятельности «*may*», «*might*», «*can*», «*would*», «*should*».

*«I also got you ANWR in Alaska, which **may** be bigger than everything»* [55].

*«We **can** make our communities safer, our families stronger, our culture richer, our faith deeper, and our middle class and more prosperous than ever before»* [54].

*«Sometimes, you know, you **might** become president, but nothing changes»* [55].

«*Hopefully, we **can** reach an agreement that **would** be beneficial for both countries*» [56].

«*We **should** also require drug companies, insurance companies, and hospitals to disclose real prices to foster competition and bring costs down*» [54].

Часто (34/21,8%) Дональд Трамп использует аппроксиматоры «almost», «virtually», «a bit of», «nearly» для снижения категоричности.

«*The US economy is growing **almost** twice as fast today as when I took office*» [54].

«***Nearly** one third of women who make the journey north to our border are sexually assaulted along the way*» [56].

«*We have **virtually** ended the estate tax, or death tax that is — as it is called, for small businesses, ranches and family farms*» [54].

«*We have **a little bit of** a conflict*» [55].

Другими средствами выражения вероятностного знания, неуверенности являются наречия с семантикой неопределенности «perhaps», «probably», «maybe» (15/9,6%), а также частицеподобная единица «a sort of» (3/1,9%).

«*...you know you have some people there that **maybe** don't agree with us...*» [55].

«***Perhaps** we can negotiate a different agreement, adding China and others, or **perhaps** we can't — in which case, we will outspend and out-innovate all others by far*» [54].

«*But it's changing, and it's changing fast, and I think it's the primary reason **probably** that I ran for president*» [55].

«*But I **sort of** said the same thing to everybody, because our country wasn't doing well with Biden and Obama...*» [55].

2.3.2.2 Принцип вежливости и правила речевого этикета

В данной группе выделено 34 маркера, что составляет 22%. Нами были выделены следующие средства соблюдения принципа вежливости в речи президента США. Во-первых, это использование фраз «my (our) friends», «my

fellow leaders», «my fellow Americans», «my (our) fellow citizens». Мы выявили 8 случаев (5,1%) использования данных этикетных формул. Подобные обращения придают высказыванию и всей речи позитивный настрой.

*«We are working closely with our **friends** in the region – including Mexico, Canada, Guatemala, Honduras, El Salvador, and Panama – to uphold the integrity of borders and ensure safety and prosperity for our people» [56].*

*«My **fellow** leaders, the path to peace and progress, and freedom and justice, and a better world for all humanity, begins at home» [56].*

Схожую функцию выполняет использование восклицания «please» (10/6,4). Одна из главных политических целей Дональда Трампа – это борьба с нелегальной миграцией. Подобными прямыми вежливыми обращениями президент США сглаживает углы, при этом далее он четко предупреждает нарушителей о последствиях. Так, в первом примере Дональд Трамп, используя обращение «please», смягчает императивность последующих высказываний.

*«To anyone considering crossings of our border illegally, **please** hear these words: Do not pay the smugglers. Do not pay the coyotes. Do not put yourself in danger. Do not put your children in danger» [56].*

*«To the Venezuelans trapped in this nightmare: **Please** know that all of America is united behind you» [56].*

В ежегодном послании к Конгрессу, президент США высказывает свои предложения, меры, которые он считает необходимыми. Для этого используется этикетная формула просьбы с глаголом «to ask» (12/7,7%).

*«Tonight, **I'm asking you** to defend our southern border out of love and devotion to our **fellow** citizens and our country» [54].*

*«Tonight, **I ask the Congress** to support our students and back my plan to offer vocational and technical education in every single high school in America» [53].*

Другое средство соблюдения принципа вежливости и правил речевого этикета – это побуждение к совместной деятельности с помощью глагола «let».

«Let us work together to build a culture that cherishes innocent life» [54].

«And let us reaffirm a fundamental truth — all children — born and unborn — are made in the holy image of God» [54].

2.3.2.3 Субъективная оценка или мнение

Данный тип представлен 28 маркерами некатегоричности, что составляет 18%. Выражая субъективную точку зрения, Дональд Трамп использует глаголы оценки и умственной деятельности «to think», «to guess», «to hope» (20/9%).

«But on my first day in office, I ended the war on American energy, and that's common sense, I think» [55].

«If my opponent won, this would be a lot of nice new structures outside, I guess you would have stopped long ago» [55].

«I'm going to speak to some of your union leaders to say, I hope you're going to support Trump» [55].

Синтаксические средства выражения мнения и оценки – это вводные конструкции «hopefully», «in my opinion», «unfortunately» (8/5,1%).

«Hopefully, we can reach an agreement that would be beneficial for both countries» [56].

«If I had not been elected president of the United States, we would right now, in my opinion, be in a major war with North Korea» [54].

«Unfortunately, the Taliban has chosen to continue their savage attacks» [56].

2.3.2.4 Снятие ответственности за достоверность информации

Указывая на источник, президент США тем самым подкрепляет свои решения/мнения фактами и, одновременно, снимает с себя ответственность за сказанное. Как и в речи других лидеров, в речи Дональд Трамп практически не реализуется данный прагмасемантический тип некатегоричности. Мы выявили только 2 случая (1,3%) использования таких средств:

«That is why I signed an Executive Order requiring price transparency. Many experts believe that transparency, which will go into full effect at the beginning of next year, will be even bigger than healthcare reform» [53].

«According to a recent report from the U.N. Human Rights Council, women in Venezuela stand in line for 10 hours a day waiting for food» [56].

Подводя итог, мы можем представить использование средств выражения некатегоричности в дискурсе Дональда Трампа в виде таблицы (табл. 2.6). Наиболее частотными средствами вербализации плана некатегоричности в речи Дональда Трампа являются средства выражения вероятностного знания. Данный прагмасемантический тип представлен лексическими средствами и составляет 59% от общего числа маркеров некатегоричности.

Маркеры соблюдение принципа вежливости и правил речевого этикета составляют всего 22%. Этикетные формулы Дональд Трамп часто использует, во-первых, для снижения категоричности при прямом обращении к лидерам других стран, к гражданам Америки и мигрантам. Во-вторых, используя слово «fellow», Дональд Трамп обозначает, что все они находятся в одном положении и их интересы совпадают. В-третьих, президент, исполнительная ветвь власти, обращаясь к Конгрессу США, законодательной ветви власти, формально не может отдавать приказ по принятию того или иного законопроекта, поэтому используется вежливая просьба.

В результате анализа дискурса президента США Дональда Трампа наблюдается большой разрыв между количеством маркеров категоричности и некатегоричности. План категоричности высказывания представлен 525 маркерами, а план некатегоричности – 156. В целом характерной чертой выступлений Дональда Трампа является простота речи, а именно простота синтаксических конструкций. При этом наблюдается повышенная эмоциональность, оценочность, экспрессивность (74,5%), которая достигается частым использованием повторов и параллельных конструкций,

сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий, лексических средств.

Таблица 2.6 – Средства вербализации некатегоричности в политическом дискурсе Д. Трампа

Уровень языка	Вероятностное знание				Принцип вежливости	Снятие ответственности	Субъективная оценка	Всего
Морфологический уровень	-				к с Побуждение совместной деятельности помощью глагола «let»	-	-	-
	-				4	-		4
Лексический уровень	Аппроксиматоры	Модальные глаголы с семантикой возможности осуществления деятельности	Наречие с семантикой неопределенности	Частицеподобные единицы	Восклицание «Please»	-	Глаголы оценки умственной деятельности	-
Синтаксический уровень	-				Этикетные формулы обращений	Указание на источник	Вводные конструкции с семантикой субъективной оценки	-
	-				Этикетные формулы просьбы			
Всего	92				34	2	28	156

Несмотря на то, что маркеры высокой степени уверенности в правоте (13,9%) и навязывания собственного мнения (11,6%) в речи Трампа

представлены в явно меньшей степени, уверенность и импозитивность прослеживается на протяжении всего выступления.

Эмоциональность и оценочность речи несколько сглаживается благодаря использованию маркеров некатегоричности в особых частях выступлений, когда Дональд Трамп напрямую обращается к членам Конгресса, к нации и к лидерам других стран. Таким образом, проявляются две черты политического дискурса – толерантность и экспрессивность.

2.4 Сопоставительный анализ средств вербализации категоричности/некатегоричности в политическом дискурсе В.В. Путина, Бориса Джонсона и Дональда Трампа

Анализ русскоязычного и англоязычного политического дискурса показал, что средства вербализации категории категоричности/некатегоричности в рассматриваемых языках имеют универсальные и культурно-специфические характеристики. Результаты распределений прагмасемантических типов категоричности/некатегоричности в речи политических лидеров даны в виде графиков (рис. 2.1, рис. 2.2.)

В результате анализа политического дискурса В.В. Путина мы выяснили, что для речи Президента России характерна категоричность высказываний, а именно императивность, навязывание своего мнения. При этом В.В. Путин использует некатегоричные высказывания, конечно, в меньшей степени, для выражения предложений (субъективное мнение), просьб (принцип вежливости и правила речевого этикета).

В эгалитарной культуре руководитель стремится вовлечь в процесс принятия решений подчиненных, команды выражаются через просьбы и предложения. Авторитарной культуре характерно прямое выражение приказов. Русскоязычная культура исторически относилась к авторитарной, однако с развитием общества, под влиянием западных стран происходит сдвиг культурных ценностей в сторону эгалитарности, что в некоторой степени прослеживается на примере выступлений В.В. Путина.

Англоязычная культура относится к эгалитарной, что в нашем исследовании подтверждается низким процентом использования императивных и импозитивных высказываний и британским, и американским политиками. Более того, Борис Джонсон чаще других политиков смягчает «приказы» различными средствами выражения вероятностного знания, субъективной оценки и этикетными формулами.

Рисунок 2.1 – Распределение прагмасемантических типов категоричности в речи политических лидеров России, США и Великобритании

Конечно, важно сказать о сохранении в речи Бориса Джонсона *understatement* – не прямой способ выражения точки зрения авторы, которое, согласно исследованиям ученых, является уникальным явлением британской лингвокультуры. Данные выводы подтвердились и в нашем исследовании. Дональд Трамп в целом не использует подобные конструкции. К тому же количество маркеров некатегоричности в дискурсе Дональда Трампа намного меньше, чем в дискурсе Бориса Джонсона.

Средства вербализации императивности и импозитивности в двух языках практически не отличаются. В плане некатегоричности прагмасемантические типы: «выражение субъективной оценки говорящего», «выражение вероятностного знания», «соблюдение принципа вежливости и правил речевого этикета» также представлены похожими маркерами. Результаты представлены в таблицах 2.1, 2.2, 2.3, 2.4, 2.5, 2.6.

Рисунок 2.1 – Распределение прагмасемантических типов

некатегоричности в речи политических лидеров
России, США и Великобритании

Однако нам следует остановиться на использовании этикетных формул вежливости. В.В. Путин часто использует обращение «уважаемые коллеги», «уважаемые граждане», в то время как Борис Джонсон использует обращение «friends», «my honourable friend» по отношению к коллегам из Палаты Общин, к коллегам из Европейского союза и Америки, и, конечно, по отношению к гражданам Великобритании, Дональд Трамп также использует формы «my fellow citizens/leaders/Americans», «our friends».

У В.В. Путина такие формы не встречаются. Употребление форм обращений, прежде всего, варьируется в зависимости от условий общения и характера отношений между говорящим и адресатом. Формы обращений в текстах Посланий В.В. Путина носят подчеркнуто-деловой, официальный характер. У Бориса Джонсона, как и Дональд Трамп, формы обращений устанавливают более дружеские и неформальные отношения при сохранении официальных традиций. Следовательно, в русскоязычной культуре все же сохраняется внимание к формальностям, и она является высококонтекстуальной культурой.

Одними из характеристик высококонтекстуальной культуры являются эмоциональность, явная оценочность. Напомним, что в нашем исследовании они объединены в один прагмасемантический тип. Интересно отметить, что речь всех политиков содержит большое количество именно маркеров эмоционально-оценочного типа. Однако англоязычная культура относится к низкоконтекстуальной, которой свойственна сдержанность.

Следовательно, мы можем говорить о том, что в средствах вербализации категоричности/некатегоричности прослеживаются характерные черты политического дискурса, т.е. наблюдается пересечение характеристик политического дискурса и характеристик определенного типа культуры, вторые в данном случае уходят на второй план. Эмоционально-оценочный тип в обоих языках представлен широко и достаточно схожими маркерами, среди которых особый интерес представляет повтор. Данное средство повышает коммуникативную и экспрессивную значимость сказанного, конкретизирует мысль, фокусирует внимание слушателей, оказывает психологическое воздействие на аудиторию.

Нельзя однозначно отнести повтор только к средствам эмоциональности, данный прием также выражает уверенность политика в том, что им было сказано, таким образом вызывает у аудитории доверие. Несмотря на то, что в речи В.В. Путина и Дональда Трампа доминируют маркеры других

прагмасемантических типов категоричности, их речь наполнена уверенностью. Высокая степень уверенности в правоте широко выражена в дискурсе Бориса Джонсона, что также нетипично для представителя британской лингвокультурной общности. Уникальной чертой англоязычного дискурса является наличие такого морфологического средства вербализации высокой степени уверенности, как будущее совершенное время, которое премьер-министр Великобритании использует чаще, чем Президент США.

Преобладание маркеров «эмоциональности» и «высокой степени уверенности в правоте» в речи Бориса Джонсона и Дональда Трампа обусловлено тем, что они, помимо общих приоритетов для государства, акцентируют внимание на конкретных темах, продвигают определенную политику, и им необходимо убедить аудиторию. Так, в выступлениях Бориса Джонсона такой темой является выход Великобритании из Европейского союза, так называемый Брексит. Дональд Трамп делает акцент на борьбе с незаконной миграцией, к тому же, Президент США уделяет большое внимание достижениям в своей политике с явным прицелом на предстоящие выборы 2020 года. Послание Президента России Федеральному Собранию выстроено иначе: В.В. Путин обозначает проблемы в каждой сфере жизни общества, императивность речи проявляется в указании на то, что должно произойти, какой должна быть ситуация в стране, либо в том, что «мы»/государство/правительство обязано сделать, затем Президент России предлагает свои решения.

Речевая стратегия уверенности/неуверенности непосредственно связаны с выражением знания – достоверного или вероятностного. Преобладание маркеров категоричности говорит о том, что политические лидеры стремятся предоставить достоверную информацию или, по крайней мере, представить ее таковой. Так, В.В. Путин, Дональд Трамп и Борис Джонсон используют точные цифры, конкретные факты, дополняя их маркерами категоричности для большей убедительности. При этом, если в речи В.В. Путина маркеры

прагмасемантического типа «вероятностное знание» представлены в меньшей степени, то в англоязычном дискурсе Д. Трампа и Б. Джонсона данный тип представлен относительно широко, что объясняется принадлежностью этих политических деятелей к англоязычной низкоконтекстуальной культуре, которая отличается высокой толерантностью к расхождению, что выражается частым использованием модальных глаголов с семантикой вероятности осуществления деятельности, предположения, желательности. Стоит учесть, что иногда маркеры этих прагмасемантических типов могут использоваться для заполнения паузы, обеспечения связности текста.

В целом языковые средства, в частности на лексическом уровне, в англоязычном политическом дискурсе несколько более разнообразны как в плане категоричности, так и некатегоричности: в англоязычном дискурсе используются на лексическом уровне – прилагательные с семантикой усиления (категоричность), на морфологическом уровне – будущее совершенное время (категоричность), на синтаксическом уровне – синтаксический параллелизм (категоричность) и конструкции *understatement* (некатегоричность).

В результате сопоставительного анализа выступлений Президента России В.В. Путина, Президента США Дональда Трампа и премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона мы выяснили, что и в русскоязычном, и в англоязычном политическом дискурсе количество маркеров категоричности превышает количество маркеров некатегоричности. В русском политическом дискурсе В.В. Путина соотношение категоричности-некатегоричности составляет 564 – 190 (74,8%, – 25,2%), в британском политическом дискурсе Бориса Джонсона: 454 – 342 (57,1% – 42,9%), в американском политическом дискурсе Дональда Трампа: 525 – 156 (77,1% – 22,9%). Явное преобладание маркеров категоричности позволяет говорить о тенденции к большей категоричности в политическом дискурсе. Однако разрыв между категоричностью и некатегоричностью в английском (британском)

политическом дискурсе небольшой. В речи Борис Джонсон наблюдается большое разнообразие маркеров категоричности. Таким образом, можно сказать, что категоричность действительно характерна для русскоязычной лингвокультурной общности, а некатегоричность – англоязычной. Как показал наш анализ (рис. 2.1, рис. 2.2), Дональд Трамп, как представитель американской политической элиты обладает собственными характеристиками. С Б. Джонсоном его сближает, во-первых, принадлежность к эгалитарной культуре: использование этикетных формул, которые подчеркивают равенство всех граждан, сокращают дистанцию между Трампом и народом; во-вторых, структуры речи схожи: оба политика делают акцент на конкретных темах и используют эмоциональность для убеждения аудитории. Однако американская культура развивалась по-другому, соответственно, ее представителям несвойственны обтекаемые формулировки (*understatement*), речь Трампа прямолинейна, более настойчива. При этом его речь не похожа на речь В.В. Путина, несмотря на доминирование категоричности в речи обоих, она неимперативна. Особенность речи Трампа также обусловлена спецификой его предпринимательской деятельности: умением убеждать и продавать. В целом Дональд Трамп – неоднозначная фигура, которую критикуют за создание негативной атмосферы.

Выводы по главе 2

Цель второй главы магистерской диссертации заключалась в проведении сопоставительного анализа средств вербализации категоричности/некатегоричности на материале политического дискурса В.В. Путина, Бориса Джонсона и Дональда Трампа. Для установления сходств и различий в средствах вербализации рассматриваемой категории, нам необходимо было, опираясь на выделенные в главе 1 прагмасемантические типы употребления категоричности/некатегоричности и систему средств их выражения, проследить, характерны ли описанные в ранее проведенных

исследованиях средства для рассматриваемых дискурсов, выявить их новые, универсальные и национально-специфические характеристики.

Наш анализ показал, что в речи президента России В.В. Путина преобладают категоричные высказывания. Среди выделенных нами прагмасемантических типов в речи Президента России доминирует тип «навязывание собственного мнения/воли». Другие прагмасемантические типы также широко представлены. В плане некатегоричности в речи Президента России доминируют типы «субъективная оценка» и «соблюдение принципа вежливости и правил речевого этикета». С одной стороны, такие результаты характеризуют его как типичного представителя русской лингвокультуры: авторитарной с небольшим сдвигом к эгалитарности и высококонтекстуальной, которой свойственны такие характеристики, как импозитивность, эмоциональность и оценочность суждений. С другой стороны, они характеризуют В.В. Путина как сильного политического лидера, что обуславливают характеристики его речи: императивность и импозитивность, уверенность, экспрессивность, формальность.

Речь премьер-министра Великобритании характеризуется небольшим перевесом маркеров категоричности. Английская (британская) культура является низкоконтекстуальной и эгалитарной. Английской культуре присущи такие черты, как сдержанность, совместное принятие решений, неимпозитивность, неимперативность, неопределённость и толерантность, что подтверждается отсутствием большого разрыва в распределении прагмасемантических типов «субъективная оценка», «вероятностное знание», «принцип вежливости и правила речевого этикета». Борис Джонсон использует множество различных маркеров некатегоричности, что характеризует его как представителя английской лингвокультуры. Небольшой перевес маркеров категоричности обусловлен принадлежностью Бориса Джонсона к сфере политики: специфика трудовой деятельности и его

характеристики (эмоциональность, уверенность, персуазивность) выходят на передний план.

Как показал наш анализ политического дискурса американского президента Дональда Трампа, речь представителя американской политической элиты непохожа на речь представителей вышеописанных культур. Речи Президента США несвойственна императивность, что обусловлено принадлежностью Дональда Трампа к эгалитарной культуре, однако ему свойственна большая эмоциональность, которая в дискурсе Бориса Джонсона и В.В. Путина компенсируется наличием других маркеров категоричности и некатегоричности. Это может объясняться не только спецификой политического дискурса, но и большим опытом Дональда Трампа в качестве предпринимателя: как и у политика, речь предпринимателя характеризуется доступностью, экспрессивностью, интенсивностью, в связи с тем, что цель обеих заключается в убеждении слушателя для реализации поставленной задачи.

К универсальным средствам мы относим схожие маркеры категоричности на морфологическом уровне: сравнительная и превосходная степень прилагательных/наречий, повелительное наклонение; на лексическом уровне: усилительные наречия, наречия и глаголы с семантикой уверенности; на синтаксическом уровне: повторы, вводные слова и конструкции. Среди маркеров некатегоричности можно выделить побуждение к совместной деятельности на морфологическом уровне; на лексическом уровне: аппроксиматоры и глаголы оценки и умственной деятельности; этикетные формулы, вводные конструкции на синтаксическом уровнях.

К культурно-специфическим характеристикам англоязычной лингвокультуры мы относим такие средства вербализации категоричности, как отрицательные и обобщающие местоимения и наречия, наречия времени, будущее совершенное время. Среди маркеров некатегоричности особо выделяется такое средство вербализации некатегоричности, как конструкции

understatement, которые характерны британской лингвокультуре. Особой чертой русскоязычного политического дискурса является использование модальных слов с семантикой долженствования.

В результате сопоставительного анализа мы пришли к выводу, что средства вербализации категоричности/некатегоричности в англоязычном политическом дискурсе несколько более разнообразны. Так, как указывалось выше, повторы и этикетные формулы, несмотря на то, что отнесены к универсальным средствам, представлены в двух языках по-разному. Однако в целом средства вербализации в русском и английском языках во многом повторяют друг друга, что можно объяснить термином Е.И. Шейгал «язык политики», т.к. все политики в своих выступлениях преследуют одну цель – воздействовать на свою аудиторию.

Таким образом, цель исследования была достигнута – мы рассмотрели категорию категоричности/некатегоричности как интегральный рассредоточенный объект, характеризующийся своей культурной, социальной, когнитивной и языковой обусловленностью, и выявили универсальные и культурно-специфические характеристики средств ее вербализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование представляет собой сопоставительный лингвокультурологический анализ средств вербализации категоричности/некатегоричности в английском и русском языках на материале политического дискурса.

В результате рассмотрения категории категоричности/некатегоричности с точки зрения различных подходов: коммуникативного, функционально-семантико-стилистического, лингвопрагматического, семантико-прагматического, аксиологического, мы пришли к выводу, что фрагментарное представление о специфике категории категоричности/некатегоричности обуславливает необходимость ее исследования с точки зрения интегрального подхода, т.е. мы должны представить единицы всех секторов интегральной модели категоричности/некатегоричности: когнитивного, языкового, культурного и социального.

В ходе исследования были выделены прагмасемантические типы категоричных высказываний: 1) выражение высокой степени уверенности, убежденности в правоте; 2) навязывание своей воли/мнения (императивность, импозитивность); 3) высокая оценочность, и некатегоричных высказываний: 1) выражение субъективной оценки; 2) выражение вероятностного знания; 3) соблюдение принципа вежливости и правил речевого этикета; 4) снижение ответственности за достоверность передаваемой информации.

В нашем исследовании мы определили категорию категоричности/некатегоричности как интегральную градуальную категорию коммуникативного типа, характеризующаяся своей культурной, социальной, когнитивной и языковой обусловленностью.

В условиях нынешней геополитической обстановки остается актуальной проблема исследования политического дискурса. К тому же интерес к изучению категоричности/некатегоричности на материале политического дискурса был обусловлен такими его характеристиками, как эффективность,

явная оценочность, экспрессивность, агрессивность, эмоциональность, навязывание своей воли и мнения, неопределенность, скрытая оценочность, толерантность, которые непосредственно связаны с выделенными нами прагмасемантическими типами категоричных и некатегоричных высказываний.

Проведенный сопоставительный анализ политического дискурса В.В. Путина, Бориса Джонсона и Дональда Трампа показал, что средства вербализации определенных прагмасемантических типов варьируются в зависимости от типа культур: категоричность в целом, а именно императивность, преобладает в речи представителя авторитарной, высококонтекстуальной русскоязычной культуры; некатегоричность в целом преобладает в речи представителя эгалитарной, низкоконтекстуальной англоязычной (британской) культуры. Дональд Трамп принадлежит к эгалитарной и низкоконтекстуальной культуре, тем не менее, это оказывает меньшее влияние на его речь, чем специфика политического дискурса, опыт предпринимательства, личностные характеристики.

Использование маркеров категоричности/некатегоричности может свидетельствовать о сдвиге культуры к авторитарности/эгалитарности. Так, речь В.В. Путина сочетает в себе императивность (авторитарность) и вежливость (эгалитарность).

Глубокий отпечаток на речь политика накладывает специфика политического дискурса: такие прагмасемантические типы категоричных высказываний, как «высокая степень уверенности» и «эмоциональность и оценочность» мало зависят от типа культуры. Влияние оказывает статус президента/премьер-министра, выбор речевой стратегии и коммуникативного поведения.

Речевая стратегия уверенности/неуверенности непосредственно связаны с аспектом выражения знания – достоверного или вероятностного.

Преобладание маркеров категоричности или некатегоричности говорит о том, в каком виде политические лидеры стремятся предоставить информацию.

Результаты сопоставительного анализа языковых средств показали, что в англоязычном политическом дискурсе они несколько более разнообразны. Однако в целом морфологические, лексические и синтаксические маркеры категоричности/некатегоричности во многом повторяют друг друга, что характеризует их как «язык политики», т.к. целью любого политического дискурса является воздействие на аудиторию и ее поведение, побуждение к действию путем передачи информации.

Таким образом, гипотеза о том, что интегральный подход к исследованию категоричности/некатегоричности позволит представить ее как интегральный рассредоточенный объект, характеризующийся своей культурной, социальной, когнитивной и языковой обусловленностью, и выявить универсальные и культурно-специфические характеристики средств ее вербализации в политическом дискурсе подтвердилась. Результаты исследования позволяют убедиться в том, что все элементы взаимообусловлены и взаимозависимы между собой, а их единство актуализируется в процессе коммуникативной деятельности.

В начале исследования нами была предпринята попытка рассмотрения связи категории категоричности/некатегоричности, *understatement/hedging* с модальностью, в связи с тем, что она представляет собой категорию, выражающую отношение говорящего к сказанному, отношение высказывания к действительности, т.е. прослеживается явная связь между данными категориями. Однако модальность – это сложное явление, которое является предметом долгих дискуссий, т.к. существует множество различных точек зрения к определению сущности данной категории, видов модальности. Вследствие этого настоящая работа не учитывает эту связь, что составляет перспективу для дальнейшего исследования категории категоричности/некатегоричности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. – С. 136–137.
2. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
3. Вестфальская, А.В. Средства выражения оценки в научно-публицистическом дискурсе холодной войны: на материале английского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Вестфальская Анна Викторовна; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. – Белгород, 2016. – 22 с.
4. Викторова, Е.Ю. Роль вспомогательных коммуникативных единиц в реализации категории категоричности в устной речи / Е.Ю. Викторова // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – №11(43). – С. 118–134.
5. Вознюк, А.В. Средства реализации хеджинга и их распределение в структурных разделах научной статьи / А.В. Вознюк // Европейский журнал социальных наук. – 2012. – №9(25). Том 1. – С.207–214.
6. Гущина, Г.И. Категорические и некатегорические высказывания в диалогической речи: на примере русских и английских художественных текстов первой половины XX в.: автореферат дис..... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Гущина Гузель Ирековна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. – Уфа, 2009. – 19 с.
7. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / Демьянков В.З. // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32–43.
8. Джиева, А.А. «Understatement» как отражение англо-саксонского менталитета / А.А. Джиева, В.Г. Иванова // Английский язык на

гуманитарных факультетах. Теория и практика: Сборник научных и методических трудов. – 2009. – Вып. 3. – С. 5–29.

9. Иванова, В.Г. Лингвистические аспекты изучения «understatement» в современном английском языке / В.Г. Иванова // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – №5(32). – С. 252–260.

10. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – 2000. – С. 5–20.

11. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

12. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 5–13.

13. Кубрякова, Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста: доклады VII междунар. конф. М., 1999. – С. 186–197.

14. Малышкин, К.Ю. Категоричность как семантико-прагматическая категория высказывания: на материале современного русского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Малышкин Константин Юрьевич; [Место защиты: Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского]. – Омск, 2015. – 21 с.

15. Малышкин, К.Ю. Категоричность как категория семантического синтаксиса / К.Ю. Малышкин // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – 1(15). – С.215–217.

16. Марюхин, А.П. Наука и язык. Опыт логического эмпиризма / А.П. Марюхин. – М.: Прогресс-Традиция, 2015. – 328 с.

17. Марюхин, А.П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. дис.. канд. филол. наук: 10.02.19 / Марюхин Александр Петрович. – Москва, 2010. – 24 с.
18. Марюхин, А.П. Явление «hedging» в научном дискурсе / А.П. Марюхин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2010. – 1(5). – С. 113–117.
19. Милянчук, Н.С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2005. – 23 с.
20. Миньяр-Белоручева, А.П., Вестфальская, А.В. Способы выражения некатегоричности высказывания в английских научных исторических текстах / А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Вестфальская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. – №2 (261). Выпуск 14. – С. 29–32.
21. Миньяр-Белоручева, А.П., Вестфальская, А.В. Средства снижения категоричности высказывания в английских научных исторических текстах / А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Вестфальская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – №6 (125). Выпуск 13. – С. 102–107.
22. Никишина, Т.И. Функции политического дискурса как основные пути манипуляции политическим сознанием / Т.И. Никишина // Язык. Культура. Общество. – 2011. – Вып. 3. – С. 119–121.
23. Осокина, Л.М. Виды преуменьшений в современном английском языке / Л.М. Осокина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №27 (165). Вып. 34. – С. 86–88.

24. Павлуцкий, В.А. Политический дискурс: особенности и функции / В.А. Павлуцкий // Вестник Житомирского государственного университета. Филологические науки. – 2008. – Вып. 39. – С. 220–221.
25. Пастухова, О.Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Пастухова Оксана Дмитриевна [Место защиты: ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»]. – Чебоксары, 2019. – 24 с.
26. Топка, Л.В. Прагма-семантическая категория некатегоричности в современном английском языке: автореферат дис... кандидата филологических наук: 10.02.04. – Иркутск, 2000. – 20 с.
27. Хомутова, Т.Н. Система лексико-грамматических средств выражения ирреальной модальности в придаточных предложениях в современном английском языке: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. – Москва, 1984. – 231 с.
28. Хомутова, Т.Н. Научный текст: интегральный подход: монография / Т.Н. Хомутова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 333 с.
29. Хомутова, Т.Н. Типология дискурса: интегральный подход / Т.Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – Челябинск, 2014. – № 2 (11). – С. 14–19.
30. Цапко, В.И. Некатегоричные высказывания в лингвистических текстах: на материале английского и русского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Цапко Владислав Игоревич; [Место защиты: Пятигор. гос. лингвист. ун-т]. – Пятигорск, 2009. – 26 с.
31. Цапко, В.И. Семантическое и прагматическое соответствие англоязычных и русскоязычных некатегоричных высказываний (на материале

лингвистических текстов) / В.И. Цапко // Вестник ПГЛУ. – 2008. – №4.– С. 105–111.

32. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – Вып. 2 (40). – С. 53–59.

33. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. 2-е изд., испр. М.: Флинта Наука, 2007. – 256 с.

34. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 431 с.

35. Щербатых, Е.Ю. Категоричность оценки и ее снижение в текстах современных англоязычных интервью / Е.Ю. Щербатых // Альманах современной науки и образования. – 2012. – №12(67). – С.150–154. – URL: <http://www.gramota.net/materials/1/2012/12-1/46.html> (дата обращения: 27.10.2018).

36. Щербатых, Е.Ю. Конструкции оценочной семантики в текстах современных англоязычных интервью: автореферат дис кандидата филологических наук: 10.02.04 / Щербатых Елена Юрьевна; [Место защиты: Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова]. – Нижний Новгород, 2017. – 25 с.

37. Ball, W. J. Understatement and Overstatement in English [Text] / W.J. Ball // English Language Teaching. – 1970. – V. 24. – Pp. 201–208.

38. Hardjanto, T. Hedging through the use of modal auxiliaries in english academic discourse / Tofan Dwi Hardjanto // Humaniora. – 2016. – Vol. 28, No. 1. – Pp. 37–50.

39. Hubler, A. Understatements and Hedges in English [Text] / Axel Hubler. – Amsterdam: J. Benjamins, 1983. – 192 p.

40. Hyland, K. Talking to the academy: forms of hedging in science research articles / Ken Hyland // *Written Communication*, 1996. – Vol. 13, Issue 2. – Pp. 251–281.
41. Hyland, K. Writing Without Conviction? Hedging in Science Research Articles / Ken Hyland // *Applied Linguistics*, 1996. – Vol. 17, Issue 4. – Pp. 433–454.
42. Lakoff, G. Hedges: A Study In Meaning Criteria And The Logic Of Fuzzy Concepts / G. Lakoff // *Journal of Philosophical Logic*, 1973. – Vol. 2, No. 4. – Pp. 458–508.
43. Marta, M.M. Non-lexical strategic hedges in written academic discourse / Monica Michaela Marta // *Journal of romanian literary studies*. – 2017. – Issue 12. – Pp. 722–728.
44. Musa, A. Hedging In Academic Writing: A Pragmatic Analysis Of English And Chemistry Masters' Theses In A Ghanaian University / Adamu Musa // *English for Specific Purposes World*. – 2014. – Vol. 15, Issue 42. – 26 p.
45. Salager-Meyer, F. I Think that Perhaps You Should: A Study of Hedges in Written Scientific Discourse // *The Journal of TESOL France*. – 1995. – Vol. 2, No. 2. – Pp. 127–143.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ДЛЯ АНАЛИЗА

46. Путин, В.В. Послание президента России Федеральному собранию [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Сайт президента России, 15 января 2020. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения 15.01.2020).
47. Путин, В.В. Послание президента России Федеральному собранию [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Сайт президента России, 20 февраля

2019. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения 03.02.2020).

48. Johnson, B. PM address to the nation [Электронный ресурс] / В. Johnson // Сайт правительства Великобритании, 31 января 2020. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-address-to-the-nation-31-january-2020>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.04.2020).

49. Johnson, B. PM speech in Greenwich [Электронный ресурс] / В. Johnson // Сайт правительства Великобритании, 3 февраля 2020. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-in-greenwich-3-february-2020>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.04.2020).

50. Johnson, B. PM statement in Downing Street [Электронный ресурс] / В. Johnson // Сайт правительства Великобритании, 13 декабря 2019. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-in-downing-street-13-december-2019>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.04.2020).

51. Johnson, B. PM statement on priorities for the government [Электронный ресурс] / В. Johnson // Сайт парламента Великобритании, 25 июля 2019. – URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2019-07-25/debates/D0290128-96D8-4AF9-ACFD-21D5D9CF328E/PrioritiesForGovernment>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.04.2020).

52. Johnson, B. Speech to the 2019 Conservative Party conference [Электронный ресурс] / В. Johnson // PoliticsHome, 2 октября 2019. – URL: <https://www.politicshome.com/news/article/read-in-full-boris-johnsons-speech-to-the-2019-conservative-party-conference>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.04.2020).

53. Trump, D.J. Remarks by President Trump in State of the Union Address [Электронный ресурс] / D.J. Trump // Сайт Белого Дома, 6 февраля 2019. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps->

state-union-address-2/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.04.2020).

54. Trump, D.J. Remarks by President Trump in State of the Union Address [Электронный ресурс] / D.J. Trump // Сайт Белого Дома, 4 февраля 2020. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-3/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.04.2020).

55. Trump, D.J. Remarks by President Trump on American Energy and Manufacturing [Электронный ресурс] / D.J. Trump // Сайт Белого Дома, 13 августа 2019. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-american-energy-manufacturing-monaco-ra/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.04.2020).

56. Trump, D.J. Remarks by President Trump to the 74th Session of the United Nations General Assembly [Электронный ресурс] / D.J. Trump // Сайт Белого Дома, 25 сентября 2019. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-74th-session-united-nations-general-assembly/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.04.2020).

57. Trump, D.J. Speech on Immigration and the Democratic Response [Электронный ресурс] / D.J. Trump // The New York Times, 8 января 2019. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/08/us/politics/trump-speech-transcript.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.04.2020).